

Арсений, архиеп. Волоколамский. В стране священных воспоминаний: (Описание путешествия в Св. Землю, совершенного летом 1900 года преосвященным Арсением, еп. Волоколамским, Ректором Московской Духовной Академии, в сопровождении некоторых профессоров и студентов) // Богословский вестник 1902. Т. 1. № 1. С. 106—155 (2-я пагин.). (Продолжение.)

ВЪ СТРАНѢ СВЯЩЕННЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ. 1)

(Описание путешествія въ Св. Землю, совершеннаго лѣтомъ 1900 года преосвященнымъ Арсеніемъ, епископомъ Волоколамскимъ, Ректоромъ Московской Духовной Академіи, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ профессоровъ и студентовъ).

6-е Юля. Четвергъ. Эздрелонская равнина. Библейскія и послѣдующія историческія событія на ней. Прибытіе въ Назаретъ. Въ церкви Благовѣщенія. У митр. Фотія. „Фантази“—свадебныя предпразднества у арабовъ.

Мы проснулись раньше четырехъ часовъ утра, умылись и одѣлись прежде, чѣмъ прозвонили обычные утренніе звонки. Въ началѣ пятаго часа мы двинулись съ своего ночлега. Утренняя свѣжесть и предразсвѣтный вѣтерокъ заставляли насъ вздрагивать отъ озноба. Благодаря туману и утренней мглѣ, мы за нѣсколько шаговъ не могли различить никакого предмета. Тихо ѣхали мы, вполне довѣряясь своимъ осламъ, которые никогда не подвергнутъ опасности положившихся на нихъ всадниковъ.

Стало разсвѣтать, и туманъ совершенно разсѣялся, Мы увидѣли вокругъ себя развернувшуюся передъ нами „великую равнину Эздрелонскую“, или Іезреельскую. Она простирается чуть не отъ самыхъ береговъ Іордана на востокъ и до горы Кармила и Средиземнаго моря на западѣ, образуя собою, у южнаго подножія Назарета и горъ галилейскихъ,

---

1) Продолженіе. См. Богосл. Вѣстникъ, Декабрь стр. 672—723.

цѣлый промежуточный поясъ низинъ, раздѣляющій холмистыя долины Самаріи отъ горной Галилеи. Она издревле была историческимъ мѣстомъ великихъ народныхъ битвъ, отчаянныхъ поединковъ на жизнь и смерть между племенами, спорившими другъ съ другомъ за обладаніе Палестиной. Направо отъ дороги сивѣли горы Гелвуйскія, казавшіяся издали одной сплошной темной массой. Живо припомнился намъ несчастный царь Саулъ, пронзившій себя на этихъ горахъ мечомъ послѣ неудачной, происходившей здѣсь, битвы съ Филистимлянами. Невольно припомнился намъ плачь Давида о Саулѣ и сынѣ его Ионаѳанѣ, когда мы смотрѣли на безпріютный видъ этихъ горъ, на которыхъ, по плачевной пѣсни Псалмопѣвца, не должно быть ни росы, ни полей съ плодами. Дорога наша шла, то поднимаясь, то опускаясь въ виду этихъ горъ, на отрогахъ которыхъ къ востоку отъ насъ попадались селенія. Мы проѣзжаемъ мимо деревни Арране, утопающей въ рощахъ масличныхъ деревьевъ и садовъ, огороженныхъ кактусами. Вдали указываютъ намъ на бѣдную деревушку Зеринъ, состоящую изъ нѣсколькихъ хижинокъ. Кто бы могъ подумать, что здѣсь когда-то стоялъ Іезреель, столица Израильскаго царя Ахава и его преступной жены Іезавели? Мы вспомнили невольно погибшаго отъ нихъ Навуея, а также и пророка Ілію, пребывавшаго на видимой отсюда, по направленію къ сѣверо-западу, горѣ Кармилъ, когда онъ, горя ревностью къ истинному Богу, спускался съ горы во дворцы беззаконныхъ Израильскихъ царей, для обличенія ихъ нечестія. Передъ нами виднѣется гора Малый Ермонъ, куда мы и направляемся. На южномъ склонѣ этой горы видно селеніе. Это селеніе называется теперь Соламъ, библейскій Сонамъ, когда-то центръ непріятельской позиціи во время битвы при Гелвуѣ. Въ этомъ-то селеніи жила нѣкогда вдова, сына котораго воскресилъ пр. Елисей, и которая дала у себя пріютъ послѣднему. Мы ѣдемъ теперь по невысокимъ склонамъ Малаго Ермона, достигаемъ сѣвернаго склона его, и затѣмъ спускаемся внизъ въ долину, по которой и двигаемся до самаго Назарета. Но мы рѣшили сдѣлать послѣднюю маленькую остановку. Для этого Марко выбралъ мѣсто близъ деревни Эль-Фуле, на склонахъ горы М. Ермона, на полѣ, насажен-

номъ лукомъ. Быль седьмой часъ утра. Жары особой не ощущалось. Временами насъ обдавало даже сыростью. Мы разсматривали мѣсто нашего отдохновенія, гдѣ происходило сраженіе между Французами и Арабами въ 1799 г. Закусивъ и отдохнувши здѣсь немного, мы покинули это луковичное поле, чтобы продолжать свой путь далѣе.

Пересѣкая эту обширнѣйшую долину, — одно изъ самыхъ историческихъ мѣстностей въ Палестинѣ, — мы невольно вспоминаемъ происходившія здѣсь постоянно битвы, для которыхъ эта открытая равнина была весьма удобна. Тутъ, когда-то Девора съ Варакомъ одержала побѣду надъ Сисарою, здѣсь Гедеонъ восторжествовалъ надъ Мадіанитянами, здѣсь Іудивъ убила Олоферна, который расположился станомъ въ этой же широкой долинѣ. Но вотъ показались Назаретскія горы, а за ними видѣются бѣлыя постройки Назарета, высоко поднятаго на своемъ горнемъ пьедесталѣ. Радостно затрепетали наши сердца. Но, какъ видѣніе, онъ быстро исчезъ, скрывшись за высокими хребтами холмовъ. Цѣлый часъ ѣхали мы по этой однообразной и ровной дорогѣ, не встрѣчая по пути ни одного селенія; перешли мы черезъ какой-то ручей, еще непересохшій, но достаточно обмелѣвшій, такъ что нашимъ осламя легко было перейти его въ бродѣ. Досадно только было то, что водяныя брызги, поднявшіяся отъ этого перехода, испачкали грязью наши бѣлые шерстяные плащи. Можно представить себѣ, какое пріятное впечатлѣніе производитъ эта равнина раннею весною, когда она сплошь бываетъ покрыта зелеными всходами значныхъ растений, высокою травою и усѣяна безчисленными полевыми цвѣтами причудливой формы и необыкновенной яркости. Отъ нечего дѣлать, мы любовались на Марко, который граціозно гарцовалъ на своемъ бѣломъ конѣ, подзадоривая къ этому и насъ. Мы старались обогнать другъ друга, подгоняя своихъ уставшихъ ословъ, которые, развѣсивъ свои длинныя уши, быстро скакали впередъ.

Окидывая взоромъ окрестности, оглядываясь по сторонамъ, мы видимъ вдали много селеній, часто упоминаемыхъ въ Библии. Направо отъ дороги, у подножія Малаго Ермона, лежитъ деревня Наннъ, гдѣ Христосъ воскресилъ сына одной городской вдовы; далѣе, на востокъ отъ нея, вид-

нѣется селеніе Эндуръ, библейскій Аэндоръ, куда нѣкогда приходилъ Саулъ къ жившей тамъ волшебницѣ. Напротивъ этихъ деревень возвышается величественная гора Фаворъ, гдѣ, по преданію, произошло Преображеніе Господне. Склоны этой горы покрыты рощами зеленыхъ деревьевъ, что придаетъ ей очаровательный видъ. Бывавшимъ на Кавказѣ, она напоминаетъ гору Машукъ, у подножія которой расположенъ городъ Пятигорскъ.

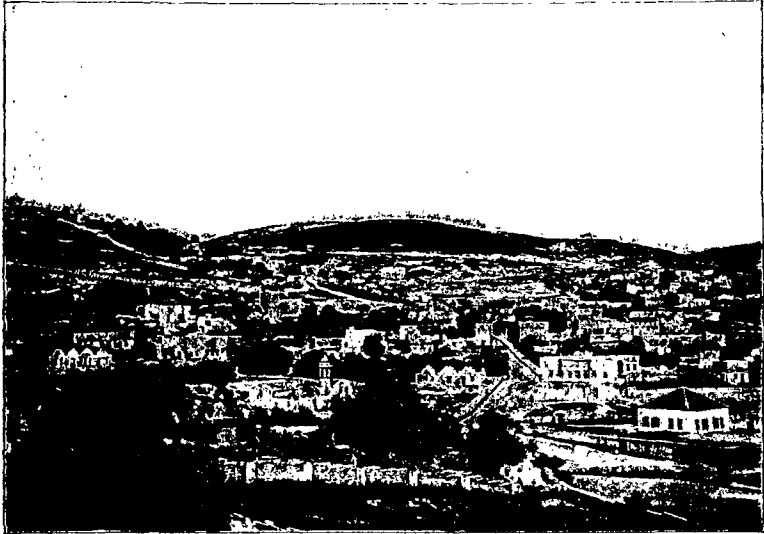
Наконецъ, мы подъѣхали къ Назаретскимъ возвышенностямъ и медленно стали подниматься на крутя горы. Тяжело дыша, часто останавливаясь, много разъ спотыкаясь, идутъ съ большимъ трудомъ наши животныя по невозможной дорогѣ, усѣянной крупнымъ и мелкимъ камнемъ. По мѣстамъ встрѣчалась такая крутизна, что приходилось крѣпко держаться на хребтахъ своихъ ословъ, чтобы не упасть. Часто мы отставали другъ отъ друга, и наше шествіе протягивалось на большое разстояніе. Поднявшись на достаточную высоту и оглянувшись назадъ, мы удивились, какъ могли мы забраться такъ высоко. Видъ на Эздрелонскую долину былъ восхитительный!

Послѣднее усиліе... и мы поднялись на самую вершину горы. Нашему взору представилась лежавшая у нашихъ ногъ долина, или „широкая пазуха“, окруженная холмами, гдѣ, утопающій въ садахъ и окруженный зелеными рощами, расположился прелестный городокъ, сверкавшій на солнцѣ бѣлизною своихъ восточныхъ домовъ. Это и есть Назаретъ—колыбель христіанства. Какую радостію затрепетали наши сердца при видѣ этого города, о которомъ прежде было такое низкое мнѣніе (*отъ Назарета можетъ-ли что добро быти*, слова Наананіа Филиппу), но который потомъ, по произволенію Божію, сдѣлался великимъ, такъ какъ здѣсь совершилась *главизна нашего спасенія и еже отъ вѣки таинства явленіе!* Мы спустились съ высокой горы, у подножія которой Марко учинилъ порядокъ въ нашемъ шествіи, предложивъ ѣхать впереди непременно Преосвященному.

Въ такомъ порядкѣ ѣхали мы по улицамъ „города Св. Дѣвы“, столь священнаго по многимъ воспоминаніямъ изъ жизни Спасителя, въ періодъ его дѣтства, юношества, до выступленія на дѣло спасительнаго служенія. Ровно въ 10 ч.

утра подѣхали мы къ русскому дому, съ кровли котораго раздались радостныя восклицанія и громкія привѣтствія прибывшей вчера въ экипажахъ компаніи по поводу благополучнаго и неожиданнаго ранняго прибытія Преосвященнаго въ Назаретъ. Мы слѣзли съ ословъ, прошли въ ворота этого дома и очутились на каменной площадкѣ двора, гдѣ уже расположились дѣвочки-арабки, ученицы находящейся при русскомъ домѣ школы. Довольно стройно, но съ своеобразнымъ гортаннымъ арабскимъ акцентомъ, пропѣли ученицы „Достойно“, привѣтствовавъ затѣмъ Преосвященнаго пѣніемъ „Ис-полла“. Послѣ благословенія епископомъ дѣтей, къ нему подошла временно завѣдующая школой учительница Валентина Сергѣевна Петрова. Она только вчера пріѣхала сюда изъ Россіи на смѣну постоянной учительницы, которая уѣхала на два мѣсяца въ Россію, какъ это дѣлають обыкновенно учительницы черезъ каждые два года, получая на дорогу даже казенные прогоны. Привѣтствовавъ нашего архипастыря съ благополучнымъ пріѣздомъ и получивъ отъ него святительское благословеніе, она отрекомендовала ему двухъ своихъ помощницъ, молодыхъ арабокъ, получившихъ воспитаніе въ русской Бетжалской школѣ, что близъ Вилелема. Умывшись и приведши себя въ нѣкоторый порядокъ послѣ такой трудной дороги, мы всѣ отправились на верхъ дома, гдѣ въ одной изъ комнатъ для насъ былъ сервированъ чай. Здѣсь мы нашли пріѣхавшихъ вчера нашихъ товарищей, успѣвшихъ уже вполне ориентироваться въ новой обстановкѣ. Валентина Сергѣевна и ея помощницы оказались чрезвычайно любезными хозяйками. Мы скоро почувствовали себя какъ бы дома, въ своей семьѣ, въ родной намъ Россіи. Около двухъ часовъ времени прошло совсѣмъ незамѣтно въ оживленныхъ разговорахъ и въ передачѣ другъ другу своихъ дорожныхъ впечатлѣній. Всѣ удивлялись нашему бодрому виду послѣ совершенія такого ужаснаго, по ихъ мнѣнію, пути. За чаемъ же мы узнали не особенно пріятную новость, что въ Кайфѣ, благодаря нѣсколькимъ случаямъ заболѣванія чумою, учрежденъ карантинъ, вслѣдствіе чего пароходы австрійскаго Лойда въ этомъ городѣ не останавливаются, и намъ, поэтому, обратную дорогу придется совершить не морскимъ путемъ изъ Кайфы до Яффы, но на лошадахъ, вдоль берега Средиземнаго моря, т. е. почти тѣмъ пу-

темъ, которымъ прибыли наши спутники сюда. Такъ что мы и здѣсь выгадали, такъ какъ придется возвращаться по новому пути, правда не столь интересному, какъ прежній, но все-таки новому. Здѣсь также были получены свѣдѣнія о томъ, что учрежденъ карантинъ и въ Бейрутѣ,—извѣстіе, напугавшее насъ возможностью неприятной перспективы очутиться самимъ какъ разъ гдѣ-нибудь въ карантинѣ.

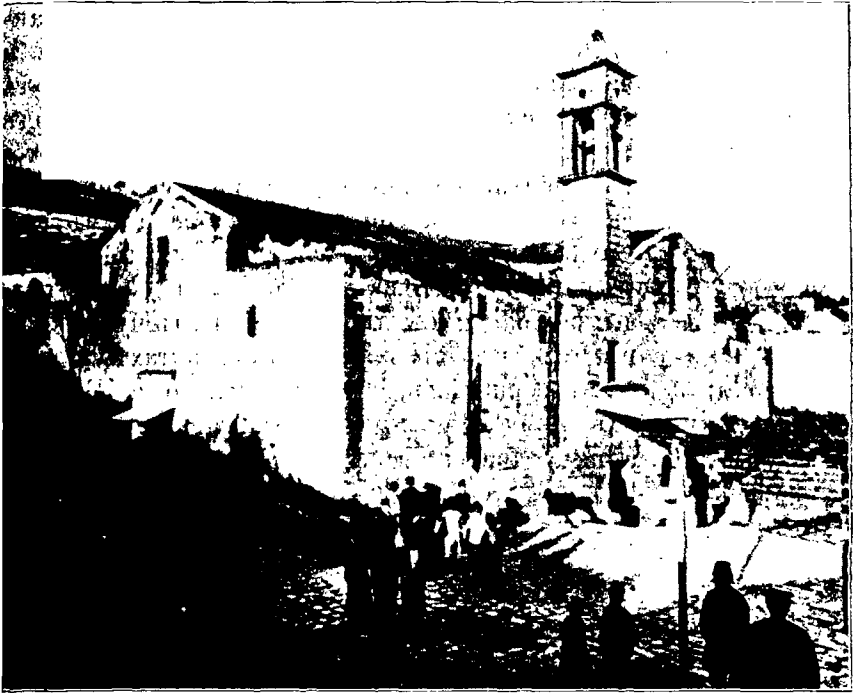

Назаретъ.

Вскорѣ былъ приготовленъ обѣдъ, къ которому пришли завѣдующій Назаретскими школами Александръ Кезма, арабъ, съ своимъ красавцемъ братомъ, черноглазымъ Тофикомъ, обучающимся въ Россіи, въ Кіевской семинаріи; съ послѣднимъ мы уже познакомились раньше, такъ какъ ѣхали на одномъ съ нимъ пароходѣ изъ Россіи до самого Бейрута, откуда онъ поѣхалъ въ Назаретъ уже сухимъ путемъ. Послѣ обѣда подали чай въ уютной прохладной гостиной, выходящей на балконъ, видъ съ котораго на городъ—восхитительный. Передъ нами разстился весь городъ съ своими бѣлыми зданіями, изъ которыхъ многія окружены зелеными садами. Рядомъ съ нами, нѣсколько вправо, помѣщалась греческая митрополія, гдѣ жилъ митрополитъ Наза-

ретскій Фотій, избранный патріархъ Александріискій. Это—довольно большое двухъ-этажное зданіе, также съ плоскою кровлею, и съ прекраснымъ садомъ, гдѣ стройныя кипарисы выдѣлялись среди фіговыхъ и масличныхъ деревьевъ. Прямо передъ нашимъ балкономъ, нѣсколько влѣво, видна возвышенность, расположенная близъ самого города. На вершинѣ ея бѣлѣется маленькая греческая церковь. Это гора Низверженія, съ которой хотѣли сбросить Иисуса озлобленные противъ Него Іудеи. По католическому же преданію, враждебно настроенные противъ Христа евреи хотѣли низвергнуть Его не съ этой горы, а съ другой, вправо отъ этой, гдѣ и поставленъ католиками маленькій костель, на томъ именно мѣстѣ, гдѣ стоялъ, по ихъ мнѣнію, подвергавшійся опасности Христосъ. Оглянувшись назадъ, мы прекрасно видѣли заднюю часть города, расположенную на вершинѣ окружающихъ городъ холмовъ, съ каменными бѣлыми домиками, громоздившимися также по скатамъ этихъ холмовъ, незамѣтно переходившихъ въ долину. Отдохнувши немного, Преосвященный предложилъ сдѣлать визитъ митрополиту Фотію, о чемъ и послалъ предупредить его. Но митр. Фотій отвѣтилъ, что онъ желаетъ встрѣтить Преосвященнаго въ храмѣ Благовѣщенія, куда сейчасъ и отправляется. Вскорѣ отправился туда и Преосвященный вмѣстѣ съ нами. Лишь только вышли мы изъ воротъ занимаемаго нами помѣщенія, какъ толпа городскихъ жителей, не только дѣтей, но и взрослыхъ, ожидавшая насъ давно у выхода, послѣдовала за нами, все увеличиваясь и увеличиваясь въ своемъ числѣ по мѣрѣ приближенія къ церкви. Многіе преграждали намъ путь, бросаясь къ Преосвященному, прося у него святительскаго благословенія, громко изъявляя живѣйшую радость по поводу прибытія русскихъ гостей во главѣ съ русскимъ архіереемъ въ ихъ благословенный городокъ. И если бы не охранявшіе насъ кавасы, которые расчищали намъ путь отъ все увеличивающейся толпы, намъ не скоро дойти бы до храма. Часть толпы вслѣдъ за нами вошла въ церковь, остальные остались внѣ ея, не допущенные туда городскою полиціею, во избѣжаніе тѣсноты. Сознаніе, что сюда неоднократно приходила Богоматерь, сопровождаемая Божественнымъ Сыномъ, наполнило нашу душу чувствомъ христіанскаго смиренія. Съ благоговѣніемъ ступали мы по этимъ

освященнымъ мѣстамъ. Съ такими чувствами вошли мы въ самую церковь. Митрополитъ Фотій уже ожидать

Греческій храмъ Благовѣщенія въ Назаретѣ.

преосвященнаго въ храмъ съ духовенствомъ Назаретскимъ. По входѣ Преосвященнаго, митр. Фотій привѣтствовалъ его рѣчью на греческомъ языкѣ. Рѣчь была сказана съ большимъ ораторскимъ искусствомъ, убѣдивъ насъ въ справедливости слуховъ о митр. Фотіи, какъ о выдающемся ораторѣ и проповѣдникѣ. Преосвященный отвѣтилъ по русски, высказавъ одушевлявшія насъ чувства неизреченной радости отъ посѣщенія и поклоненія этимъ общехристіанскимъ святынямъ; также принесъ благодарность Митрополиту за его любовь, которую онъ явилъ теперь къ намъ своимъ прибытіемъ сюда. Трогательно было видѣть взаимное привѣтствіе двухъ іерарховъ, раздѣленнымъ далекимъ пространствомъ, но объединенныхъ любовію во Христа. Привѣтствія эти были запечатлѣны братскимъ лобзаніемъ, по-

слѣ чего Преосвященный попросилъ благословить и каждаго изъ насъ. Затѣмъ, въ предшествіи Митрополита, мы направились въ сѣверную сторону церкви, гдѣ по нѣсколькимъ ступенямъ спустились въ пещеру, роскошно обдѣланную мраморомъ и старинными изразцами. Пещера эта и есть главная святыня храма. Сущестующій здѣсь престолъ посвященъ евангельскому событію Благовѣщенія. Подъ престоломъ лежитъ глубокой колодезь, ключевая вода котораго очень чиста, пріятна на вкусъ и дорога сердцу каждаго христіанскаго паломника (по своимъ священнымъ воспоминаніямъ. Самъ Митрополитъ отслужилъ намъ краткій молебенъ у этого источника, изъ котораго мы затѣмъ и почерпнули воды, вкушая ее съ вѣрою и святымъ чувствомъ. У грековъ, замѣтимъ, есть преданіе о двухъ актахъ Благовѣщенія: первое совершилось у источника, когда Богоматерь пришла къ нему почерпнуть воды, именно, на томъ мѣстѣ, гдѣ стоимъ теперь мы; второе же Благовѣщеніе произошло по приходѣ ея домой, когда она стала на молитву. Если это преданіе и сомнительно, то, во всякомъ случаѣ, достовѣрно, что Богоматерь непремѣнно бывала у этого источника, такъ какъ онъ единственный въ городѣ. Въ настоящее время вода изъ этого святаго источника, переполнивши колодезь, находящійся подъ престоломъ, течетъ черезъ желобъ въ каменной стѣнѣ и черезъ металлическія трубы подъ сводчатымъ углубленіемъ, а затѣмъ падаетъ въ каменный крытый водоемъ, откуда уже течетъ въ другой квадратный водоемъ, находящійся рядомъ съ церковью. Сюда приходятъ за водой съ кувшинами на головѣ всѣ женщины Назарета, проводя здѣсь время въ разговорахъ, дѣлясь новостями другъ съ дружкой. Этотъ каменный водоемъ находится около церкви Благовѣщенія, и мы потомъ неоднократно наблюдали все происходившее около него.

Выпивъ воды изъ св. источника, сопровождаемые митр. Фотіемъ, поднялись мы вверхъ по ступенькамъ, чтобы осмотрѣть главный придѣлъ Благовѣщенія. Кромѣ вышеупомянутаго источника, мы не нашли ничего интереснаго для себя въ этомъ храмѣ. Все намъ было знакомо: церковныя украшенія, церковная утварь, иконы, облаченія—почти все было издѣліемъ русскихъ мастеровъ. Это и по-

нятно, если вспомнить, что главное большинство приходящихъ въ Назаретъ паломниковъ составляютъ наши соотечественники, приносящіе сюда изъ Россіи въ общемъ богатые дары въ видѣ денегъ, или въ видѣ церковныхъ украшеній. Но, не смотря на эти нескудныя жертвованія нашихъ родичей, Назаретскій храмъ не отличается ни богатствомъ, ни роскошью. Все въ немъ просто, и даже нѣкоторыя вещи слишкомъ обношены. По осмотрѣ храма, мы вмѣстѣ съ митрополитомъ отправились всѣ къ нему въ греческую митрополию. Народъ слѣдовалъ за нами по пятамъ. Вотъ мы прошли мимо городского водоема, снабжаемаго водою выше упомянутымъ способомъ изъ святаго источника, и увидѣли около него массу женщинъ и дѣтей, пришедшихъ сюда за водою, такъ какъ это единственный источникъ, изъ котораго Назаретъ черпалъ и черпаетъ для себя воду. Глядя на античный костюмъ Назаретскихъ обитательницъ, невольно представили мы себѣ Святую Дѣву, которая, одѣтая въ такой-же костюмъ, подобно этимъ женщинамъ, смиренно носила изъ источника воду для домашняго употребленія. Христось-младенець, Христось-отрокъ, Христось-юноша — также дозленъ былъ часто проводить свои свободные часы у этого мѣста, или же сопровождать свою возлюбленную Мать....

Скоро мы достигли митрополи, вошли въ гостиную съ мягкими турецкими диванами по стѣнамъ и каменнымъ поломъ, далеко не безукоризненной чистоты. Противъ насъ разсѣлись именитые граждане города, арабы, совершенно не говорящіе по русски. Толпа любопытныхъ проникла и въ открытую дверь гостиной, а болѣе смѣлые вошли даже въ самую комнату, безцеремонно расположившись на свободныхъ мѣстахъ. Намъ подали обычное восточное глико и черный кофе. Митр. Фотій довольно свободно изъясняется по русски. По его словамъ, онъ очень радъ нашему посѣщенію Назарета, особенно доволенъ прибытіемъ сюда Преосвященнаго. Приглашалъ даже насъ къ себѣ на дачу, находящуюся въ прекрасномъ виноградникѣ, у подножія горы Низверженія. Вообще митр. Фотій очаровалъ насъ своею любезностію и произвелъ на насъ впечатлѣніе челоуѣка съ сильнымъ умомъ и непреклонною волею. Эти качества выражаются и въ его наружности: высокій ростомъ, плотный, съ большимъ, высо-

кимъ лбомъ, съ глазами, свѣтящимися умомъ,—онъ, такъ сказать, подавляетъ своею величественною осанкою. Такіе

качества съ одной стороны способствовали его быстрому повышенію по іерархическимъ степенямъ, а съ другой—послужили причиною многихъ для него непріятностей, вплоть до изгнанія изъ Іерусалима и заточенія въ Синаѣ.. Онъ принадлежитъ къ числу выдающихся по уму, образованію и энергіи архипастырей Востока ¹⁾.

¹⁾ Митр. Фотій, нынѣ Александрійскій Патріархъ, родился въ 1853 г. въ Константинополѣ, учился въ богословской школѣ Святаго Креста въ Іерусалимѣ, а по окончаніи образованія состоялъ секретаремъ іеруса-

Простившись съ любезнымъ митрополитомъ, Преосвященный отправился къ завѣдующему училищами А. Кезмѣ: а нѣкоторые изъ насъ рѣшили прогуляться по городу, познакомиться съ мѣстностью и характерными особенностями жителей. Пріятное впечатлѣніе произвели на насъ улицы Назарета своею чистотою, сравнительно съ видѣнными нами улицами другихъ восточныхъ городовъ. Тутъ не было опасности завязнуть въ грязи, какъ тамъ; здѣсь мы не встрѣчали валяющихся среди улицъ разлагающихся нечистотъ, заражающихъ воздухъ. По всему видно, что жители этого городка любятъ чистоту, стараясь, по возможности, поддерживать ее вездѣ. Вообще Назаретъ производитъ радостное настроеніе. Въ немъ нѣтъ того своеобразнаго характера, который свойственъ древнимъ Палестинскимъ городамъ, съ ихъ точно сбитыми въ кучу сѣрыми каменными домами, безъ крышъ и оконъ, безъ оживляющей зелени. Тутъ, напротивъ, веселые бѣлые домики свободно раскинуты по горѣ, окруженные зелеными садами. Конечно, не такимъ онъ былъ въ древности, во времена Христа. Нужно думать, что Назаретъ потерялъ свой Палестинскій характеръ подъ вліяніемъ усилившагося здѣсь значенія европейцевъ и ихъ широкаго распространенія въ немъ. Внѣшній видъ мужчинъ и женщинъ обратилъ на себя наше вниманіе. Всѣ почти мужчины носятъ на своихъ головахъ красныя фески, а ихъ тѣло прикрываетъ полосатый халатъ, надѣтый на рубашку, по большей части бѣлаго цвѣта. У многихъ, изъ-подъ распахнутаго халата, виднѣлись европейскій жилетъ и штаны. На ногахъ, —или короткіе сапоги изъ ярко-цвѣтнаго сафьяна, или туфли безъ задниковъ; деревянныя

лимскаго патріарха Іеродея и принималъ большое участіе въ дѣлахъ Сіонской Церкви. Въ 1881 году онъ былъ возведенъ въ санъ архимандрита, а въ слѣдующемъ, послѣ кончины патр. Іеродея, единогласно былъ избранъ на іерусалимскій патріаршій престолъ, но по молодости своей не былъ утвержденъ султаномъ въ патріаршемъ достоинствѣ. Въ теченіе 1884—89 годовъ Фотій жилъ въ изгнаніи на Синаѣ и занимался здѣсь учеными трудами; въ 1892 году получилъ въ завѣдываніе всѣ имѣнія Св. Гроба, въ 1897 году былъ избранъ архіепископомъ Филадельфійскимъ, а въ 1898 г.—Митрополитомъ Назаретскимъ. 11-го января 1900 года избранъ патріархомъ Александрійскимъ, а въ юль того же года утвержденъ Султаномъ.

же сандалии на улицѣ мы встрѣчали рѣдко. Костюмъ же у женщинъ, кромѣ рубахи, состоялъ изъ разноцвѣтной туники съ разрѣзанными полами и распашною грудью, а на головѣ—шапочка, къ которой сзади прикрѣпляется длинный узкій платъ, спускающийся почти до колѣнъ. По обѣихъ сторонамъ лица, около ушей, онѣ носятъ подвѣски изъ большихъ серебряныхъ монетъ, что придаетъ ихъ лицу особый оригинальный видъ. Шапочки у нѣкоторыхъ украшены также серебряными монетами, на рукахъ надѣты серебряные браслеты. Многія Назаретскія женщины носятъ и широкіе цвѣтные шаравары, особенно во время работъ. Не всѣ женщины, которыхъ мы встрѣчали на улицахъ, носятъ на своемъ лицѣ покрывала. Какъ оказалось, арабки-христіанки ходятъ всегда по улицамъ съ открытымъ лицомъ, и лишь мусульманки тщательно закрываютъ свои лица цвѣтными покрывалами. Различить христіанокъ отъ поклонницъ Магомета можно еще и тѣмъ, что послѣднія всегда имѣютъ татуировку на лицѣ, на подбородкѣ и около глазъ, въ видѣ маленькихъ темныхъ точекъ, а также на ногахъ и рукахъ. Христіанки же никогда не портятъ татуировкой своего лица, а иногда—только однѣ руки.

Было уже шесть часовъ вечера; солнце почти сѣло; въ воздухѣ стало довольно прохладно. Благодаря обилію растительности, мы не чувствовали здѣсь особой духоты даже днемъ, вечеромъ же воздухъ свѣжъ и ароматенъ; мы вдыхали его въ себя съ удовольствіемъ. Гуляя по городу, мы зашли въ одно зданіе, оказавшееся церковью Маронитовъ. Она — двухъэтажная; верхній этажъ представляетъ обыкновенный маленькій костель, и ничего больше. По узкой лѣсенкѣ мы спустились въ нижній этажъ. Хотя здѣсь было еще проще, чѣмъ вверху, и даже поражало насъ своимъ убожествомъ, такъ несвойственнымъ католическимъ церквямъ, однако это мѣсто было дорого для насъ по своимъ воспоминаніямъ. По преданію, здѣсь во времена Спасителя была синагога, въ которой Христосъ, раскрывъ книгу, объяснялъ относящееся къ Немѣ мѣсто изъ пророка Исаи, и отсюда-то озлобленные фанатики-евреи вывели Его за городъ, чтобы съ вершины горы сбросить Его въ пропасть. И если, дѣйствительно, здѣсь была древняя синагога, то это мѣсто неоднократно было нѣмымъ свидѣ-

телемъ пребыванія здѣсь Господа и Его учениковъ. Пробывъ здѣсь около получаса среди священныхъ воспоминаній, мы съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія, исполненныя благочестивыхъ размышленій, вышли изъ храма Маронитовъ.

Было уже поздно осматривать остальные святыни города, а потому, совершивъ небольшую прогулку по улицамъ „города Святой Дѣвы“, мы около восьми часовъ веч. были уже въ обществѣ пріютившихъ насъ гостепріимныхъ учительницъ. Въ 8 ч. былъ приготовленъ ужинъ, который, конечно, прошелъ весьма оживленно, въ разговорахъ о предстоящихъ поѣздкахъ по окрестностямъ Назарета. Совсѣмъ уже стемнѣло. Мы вошли на плоскую кровлю нашего помѣщенія. Чудная панорама представилась нашимъ глазамъ: небо было усыяно безчисленными яркими звѣздочками, которыя особенно выдѣлялись во мракѣ темной ночи; въ окнахъ Назаретскихъ домовъ, расположенныхъ внизу и по скатамъ горъ, засвѣтились огоньки, своимъ яркимъ блескомъ дополняя ночную иллюминацію, сливаясь съ горящими звѣздами небснаго свода. Дневной шумъ смолкъ, воцарилась тишина, такъ способствующая мечтательности, чему мы и предались. Быстро пронеслись въ нашемъ умѣ воспоминанія о проведенныхъ здѣсь годахъ Богочеловѣкомъ, Который, можетъ быть, безчисленное число разъ поднималъ свои взоры для молитвы къ этому небу, любясь, подобно намъ, дивной картиной звѣздной ночи. Вдругъ, ночная тишина была прервана звуками однообразной, монотонной и глухой бряцательной музыки. Мы стали прислушиваться. Звуки музыки становились все громче и громче, возбуждая наше любопытство. Оказалось, что своеобразная музыка шла сверху: не вдалекѣ отъ насъ, позади школы, на вершинѣ горы, мы увидѣли домъ, съ плоскою террасою, съ которой лился свѣтъ отъ повѣшенныхъ кругомъ нея разноцвѣтныхъ фонариковъ. Звукъ музыки выходилъ изъ этого дома. По справкамъ оказалось, что въ этомъ домѣ совершаются предсвадебныя празднества, называемыя по арабски „фантази“, и продолжающіяся обыкновенно цѣлую недѣлю до дня самой свадьбы. Эти „предпразднества“ всегда начинаются съ захожденіемъ солнца и тянутся далеко за полночь. Этотъ домъ, изъ котораго несутся звуки страннаго музыкальнаго инструмента, принадлежитъ женіху,

купцу-арабу, православнаго вѣроисповѣданія. Сегодня здѣсь особое торжество: дѣвушки, родственницы жениха, готовятъ краску для окрашиванія рукъ и ногъ невѣсты. Этотъ варварскій обычай сохраняется, какъ видимъ, и въ православныхъ арабскихъ семьяхъ. Краска, намазанная на руки и на ноги невѣсты, не должна смываться въ продолженіе цѣлаго мѣсяца послѣ свадьбы. Ночью, дѣвушки и женщины, съ пѣніемъ и пляскою, понесутъ приготовленную краску въ домъ невѣсты, гдѣ торжественно и совершаются надъ нею процессъ „окрашиванія“. Желая имѣть свѣдѣнія о нравахъ и обычаяхъ арабовъ, мы не захотѣли упустить случая поближе познакомиться съ главными моментами въ ихъ жизни, съ характерными явленіями и обычаями, которыми обставляется свадьба этихъ восточныхъ жителей. Трое изъ студентовъ, въ сопровожденіи учителя-сирійца, хорошо говорившаго по русски, рѣшили съ этою цѣлью отправиться сейчасъ въ домъ жениха.

Насъ приняли радушно. Домъ, гдѣ происходило пиршество, былъ въ два этажа: въ нижнемъ этажѣ пировали женщины, а въ верхнемъ мужчины. Надо замѣтить, что въ Назаретѣ сохраняются патриархальные строгіе нравы: женщина считаетъ для себя неприличнымъ открыто на улицѣ разговаривать съ мужчинами, а тѣмъ болѣе пировать вмѣстѣ съ ними. Рѣдко, очень рѣдко, въ весьма исключительныхъ случаяхъ, появляется жительница Назарета въ общество мужчинъ, да и то закутанная густымъ покрываломъ. Въ виду такого обстоятельства, мы и не думали увидѣть пированіе на женской половинѣ. Но судьба благоволила къ намъ. Какъ оказалось, для русскихъ гостей, по любви къ нимъ арабовъ,—что объяснилъ намъ сопровождавшій насъ учитель,—открыты были всѣ двери. Комната на женской половинѣ, куда не могъ проникнуть ни одинъ арабъ, намъ оказалась доступною. Съ криками радости и привѣта встрѣтила русскихъ гостей пирующая женская компанія. При видѣ внезапно вошедшихъ гостей, ни одна изъ женщинъ и не думала закрывать своего лица покрываломъ. Напротивъ онѣ съ любопытствомъ смотрѣли на насъ, давая въ свою очередь и намъ свободу наблюдать за ними. Мы очутились въ совершенно оригинальной обстановкѣ Востока, до сихъ поръ невиданной нами. Большинство женщинъ, особенно

пожилыхъ, сидѣли на разостланныхъ на полу коврахъ, пѣли, а другія играли на ударныхъ, вродѣ нашего бубна, инструментахъ. Болѣе же молодыя и веселыя хлопали въ ладоши въ тактъ музыкѣ и производили какія-то балетныя „па“ на подобіе нашей русской пляски, но гораздо однообразнѣе и медленнѣе. Часто онѣ подбѣгали къ сидѣвшимъ на полу подругамъ и, хлопая ихъ по плечу, заставляли встать; затѣмъ, схватившись за руки, вмѣстѣ пускались въ плясъ. Громкій разговоръ, смѣхъ, топанье женскихъ ногъ оглашали эту горницу. Видно, что онѣ веселились отъ души, соблюдая, между прочимъ, въ своихъ движеніяхъ и позахъ полное приличіе и благопристойность. Ихъ пляски и игры не могли оскорбить самаго цѣломудреннаго чувства. Заправлялъ этимъ баломъ какой-то старикъ, вродѣ евнуха, который въ то же время и сторожилъ входъ въ эту комнату, зорко слѣдя, чтобы ни одинъ мужчина, кромѣ насъ, не попалъ въ женское помѣщеніе. „Московъ“, „московъ“, кричали женщины, обращаясь къ намъ, и приглашая насъ принять участіе въ ихъ пляскѣ; но онѣ очень были довольны и тѣмъ, что мы въ тактъ со всѣми били въ ладоши. Вдоволь насмотрѣвшись на женскую пляску и послушавшись восточныхъ пѣсенъ, поднялись мы во второй этажъ, гдѣ пировали одни мужчины. Тутъ было гораздо степеннѣе и серьезнѣе, да потому и скучнѣе, чѣмъ на женской половинѣ. На всѣхъ четырехъ диванахъ важно возсѣдали почетные граждане города. Намъ предложили почетное мѣсто и немедленно принесли угощеніе, состоявшее изъ ракички, сыра и маслинъ на закуску. Всѣ сидѣли тихо, никто не нарушалъ молчанія. Степенные гости тянули кальянъ такъ серьезно, что можно было подумать, будто они совершаютъ какое-то священнодѣйствіе здѣсь. Одна патриархальная черта особенно бросилась намъ въ глаза: младшій возрастомъ, самъ женихъ услуживать старшимъ, разнося имъ угощеніе и ставя къ ихъ ногамъ сосудъ съ кальяномъ. Здѣсь также была бряцательная музыка, къ которой еще были присоединены звуки пастушеской свирѣли. Все это вмѣстѣ составляло довольно бѣдный и однообразный по музыкѣ концертъ, который мы и слышали съ кровли школы. Немного спустя началось пѣніе хоромъ, сначала тихое, а затѣмъ все громче и громче, на нашъ слухъ очень странное, подѣ акком-

паннментъ незатѣшливыхъ инструментовъ, производившихъ монотонные звуки. Во время пѣнія пришелъ проф. К—въ въ сопровожденіи учительницы В. С—ны и другихъ путниковъ. Необычайное появленіе женщины, и притомъ съ открытымъ лицомъ, нѣсколько смутило развеселившихся гостей, но это смущеніе продолжалось весьма недолго. Пѣніе возобновилось, да вдобавокъ сюда еще присоединилась и пляска, которая состояла изъ весьма медленныхъ и далеко не граціозныхъ движеній. Видно было, что мужчины постепенно оживлялись, хотя и медленно, отъ весьма частаго угощенія ракичкою. Одинъ изъ хозяевъ обратился къ намъ съ просьбою попросить нашего Преосвященнаго, чтобы онъ, совмѣстно съ м. Фотіемъ, совершилъ вѣнчаніе помолвленной четы, желая, т. об., обставить бракосочетаніе, какъ можно, торжественнѣе. Многихъ усилій стоило намъ объяснить этимъ взрослымъ дѣтямъ вѣры, что у насъ не въ обычай, чтобы монахъ совершалъ таинство брака. Это было совершенно имъ непонятно, такъ какъ у нихъ митрополиты не только совершаютъ вѣнчаніе, но и различныя требы... Вся эта обстановка, хотя и новая для насъ, стала намъ надоѣдать, благодаря монотонности пѣнія и музыки. Въ общемъ, пиршество на женской половинѣ было гораздо живѣе и веселѣе, чѣмъ у мужчинъ. Видя, что мужчины дѣлаются все болѣе и болѣе непринужденными, и не желая стѣснять ихъ своимъ присутствіемъ, мы, не дождавшись окончанія бала, возвратились домой, т. е. въ школу. Съ кровли Назаретской школы мы имѣли возможность наблюдать, какъ пирующія женщины вышли изъ дома жениха, спустились съ горы внизъ къ дому невѣсты, неся съ собою краску для окрашиванія ея рукъ и ногъ. Эта процессія женщинъ, въ глубокую полночь, освѣщенная нѣсколькими факелами, которые онѣ держали въ своихъ рукахъ, представляла очень эффектную картину. Какъ мы узнали отъ учительницъ, вѣнчаніе было назначено на воскресенье, 9-го іюля. По Назаретскому обычаю, вѣнчаніе обыкновенно совершается въ домѣ жениха, но Преосвященный хотѣлъ попросить м. Фотія, чтобы онъ совершилъ его въ церкви, такъ какъ присутствовать въ церкви для всѣхъ насъ гораздо удобнѣе, чѣмъ въ частномъ домѣ совершенно намъ незнакомаго человѣка. Хотя былъ часъ ночи, но спать еще не хотѣлось. Долго мы

еще дѣлились впечатлѣніями дня, пока, наконецъ, одинъ по одному отправились на отдыхъ.

7-е іюля. Пятница. Католическія святыни Назарета. Забѣчаніе о нихъ. Посѣщеніе русскихъ школъ. Отѣздъ на Фаворъ. Греческій монастырь Преображенія. Древности Фавора, по разсказамъ францисканца Варнавы. Вечеръ въ православномъ монастырѣ.

Сегодня, въ 9-ть часовъ утра, митр. Фотій, въ сопровожденіи священно-служителей и почетныхъ городскихъ жителей, отвѣтилъ визитомъ нашему Преосвященному. Визитъ, продолжавшійся около часу, состоялъ главнымъ образомъ изъ обмѣна любезностями, на которыя такъ падки арабы. Переводчикомъ былъ самъ Митрополитъ, довольно хорошо объясняющійся по русски и основательно знающій, между прочимъ, и арабскій языкъ. Митр. Фотій удѣлялъ значительное вниманіе и намъ, освѣдомляясь о разныхъ вопросахъ изъ учебной жизни. Любезность его тѣмъ болѣе была удивительна для насъ, что она не гармонировала съ дошедшими до насъ слухами о недружелюбіи его къ русскимъ. Въ доказательство этого указывали, между прочимъ, на недавній фактъ изгнанія имъ изъ церкви Богородицы въ Назаретъ, въ день Благовѣщенія, ученицъ русской школы И. П. П. Общества, пришедшихъ слушать Литургію.....

Послѣ визита Митрополита, мы вмѣстѣ съ Преосвященнымъ, въ сопровожденіи кавасовъ, отправились осматривать достопримѣчательности города. Сначала мы посѣтили Латинскій монастырь, весьма благоустроенный, довольно обширный, построенный, по католическому преданію, на томъ мѣстѣ, гдѣ Пресвятая Дѣва получила чудесное благовѣстіе съ неба. Дворъ, посреди котораго высится эта церковь, служить сборищемъ для Назаретскихъ дѣтей, оглашающихъ своими звонкими и веселыми голосами съ утра до ночи это священное по воспоминаніямъ мѣсто. Съ благоговѣніемъ, какъ и подобаетъ въ этомъ священномъ мѣстѣ, вошли мы внутрь католической церкви. Благолѣпіе, чистота и даже роскошь отдѣлки бросаются въ глаза при входѣ во храмъ. По всему видно, что католики чтутъ это святое мѣсто. Прямо, напротивъ входа, находится богато украшенный престоль, къ которому ведутъ съ двухъ сторонъ двѣ каменныхъ лѣст-

ницы прямо на каменную площадку. На престолѣ въ хрустальныхъ вазахъ находятся живые цвѣты, которые каждый день замѣняются свѣжыми. Во время большого стеченія поклонниковъ эти цвѣты мѣняются еще чаще, такъ какъ богомольцы стараются взять съ собою на память нѣсколько цвѣтовъ, храня ихъ у себя, какъ святыню. Въ большіе праздники цвѣтами обсыпается не только верхняя площадка передъ главнымъ престоломъ, но и весь каменный полъ церкви. Главный престолъ украшаетъ величественная статуя Богоматери, въ богатомъ одѣяніи и дорогой, съ драгоценными камнями, короной на головѣ. Занимая самое центральное положеніе, эта художественная статуя Св. Дѣвы должна производить на богомольцевъ особенное впечатлѣніе. Этотъ величественный храмъ былъ построенъ въ 1620 г. и продолжаетъ украшаться и до сихъ поръ. Но ни золото и богатія украшенія собора, ни надстѣнная живопись, исполненная искусными мастерами, манили насъ къ себѣ, при посѣщеніи этого храма. Наши глаза искали здѣсь чего-то другого. Взоръ нашъ привлекалъ спускъ, находящійся какъ разъ противъ входа между двумя лѣстницами, подъ главнымъ престоломъ, и ведущій семнадцатью мраморными ступенями въ первую подземную пещеру, которая, по преданію, и была мѣстомъ Благовѣщенія. Мы сошли по этимъ ступенямъ внизъ и очутились въ небольшой подземной квадратной комнатѣ, въ глубинѣ которой, противъ лѣстницы, находится престолъ, а подъ нимъ мраморная звѣзда, означающая мѣсто стоянія Богоматери во время дивнаго благовѣстія. По обводу мраморнаго круга находится надпись: „*Nic Verbum caro factum est*“. Подъ мраморной доскою престола, надъ этимъ святымъ мѣстомъ горятъ нѣсколько дорогихъ неугасимыхъ лампадъ. Облобызавъ эту святыню, мы стали осматривать пещеру. Она скорѣе состоитъ изъ двухъ пещеръ. Въ передней пещерѣ, сравнительно маленькой, по сторонамъ находятся два престола: 1) св. Богоотца Іоакима, съ запрестольной картиной, изображающей семейный бытъ родителей Св. Дѣвы (Богоматерь учится читать, а Анна объясняетъ св. Писаніе) и 2) св. Арх. Гавріила; послѣдній престолъ находится на лѣвой сторонѣ, съ запрестольной иконой, изображающей сомнѣніе Іосифа и явленіе ему Ангела. Главный престолъ Благовѣщенія съ мраморной звѣздой

находится во второй пещерѣ. На лѣвой сторонѣ отъ входа, въ этой пещерѣ виситъ толстая гранитная колонна на 18-ть дюймовъ отъ пола. Въ уровень подъ этой колонной поставленъ крупный столбъ изъ другого камня, такъ что оставляется впечатлѣніе, будто бы это есть цѣльная колонна, но выпиленная по срединѣ. И дѣйствительно, существуетъ преданіе, что эта колонна была перерублена мусульманами, которые думали найти здѣсь сокровище. Она означаетъ мѣсто, гдѣ стоялъ Архангелъ во время благовѣстія. Вися какъ бы какимъ-то чудомъ на воздухѣ, она производитъ удивительное впечатлѣніе и признается величайшей Назаретской святыней. Магометане поклоняются ей также усердно, какъ и христіане. Изъ этой пещеры есть входъ въ другую пещеру, которая оставлена въ своемъ натуральномъ видѣ, гдѣ, предполагаютъ, жилъ и училъ ребенка-Исуса Іосифъ-Обручникъ. Ему тутъ и устроенъ маленькій престолъ, а золотая латинская надпись на стѣнѣ гласитъ: *hic erat subditus illis*, т. е. „здѣсь Онъ былъ въ повиновеніи у нихъ“ (Ев. Луки). Наконецъ, по лѣсенкѣ мы поднялись въ четвертую пещеру, гдѣ, какъ говорятъ, была кухня Матери Божіей, а также и разныя принадлежности домашняго хозяйства: отверстіе въ потолокъ этой пещеры могло служить для выхода дыма. Находясь въ этомъ скромномъ помѣщеніи, мы невольно были охвачены чувствомъ благоговѣнія къ смиренію Пресвятой Дѣвы Маріи. Бросивъ послѣдній взглядъ на эти священныя для насъ стѣны, мы снова поднялись въ верхнюю церковь, откуда, въ сопровожденіи монаха—францисканца, отправились въ католическую часовню, находящуюся на юго-востокъ отъ церкви Маронитовъ и вблизи Латинскаго монастыря. Въ этой капеллѣ по срединѣ находится большой полукруглый камень, называемый „трапезою Христа“. По преданію, на этомъ камнѣ Господь до своихъ страданій и послѣ Своего воскресенія вкушалъ пищу съ Своими учениками. Мы обратили вниманіе на образъ Нерукотвореннаго Лица Спасителя, висѣвшій на стѣнѣ противъ самаго входа. По преданію, это есть списокъ съ образа, принесеннаго Апостоломъ Фаддеемъ царю Эдесскому Авгарю.

Обозрѣвая католическіе костелы и заключающіяся въ нихъ святыни, здѣсь и въ другимъ мѣстахъ Палестины, мы не могли не обратить вниманія на замѣчательную въ

нихъ чистоту и роскошь отдѣлки, особенно по сравненію съ греческими святынями, содержимыми большею частью не-особенно аккуратно. Но не смотря на это, чувство благоговѣнія при посѣщеніи греческихъ святынь было значительно выше, чѣмъ при посѣщеніи католическихъ святынь. Причину этого прекрасно объяснилъ и выразилъ извѣстный путешественникъ и писатель Е. Марковъ,—что мы и позволяемъ себѣ здѣсь привести.

„Стравное дѣло! Вотъ уже нѣсколько разъ при обзорѣ святыхъ мѣстъ Палестины меня поражаютъ вездѣ, въ Иерусалимѣ, въ Виелеемѣ, въ Назаретѣ, одни и тѣ же впечатлѣнія. Гдѣ только устроятся католики, тамъ все чисто, прилично, прекрасно, все обдуманно и все богато, но за то, вмѣстѣ съ пылью и грязью, словно выметается навсегда и прахъ историческихъ воспоминаній. Въ благоустроенныхъ и чинно содержимыхъ католическихъ церквахъ Назарета, ничто не переноситъ вашего воображенія въ минувшіе вѣка, ничто не возстановляетъ передъ вами наглядно и живо протекшихъ евангельскихъ событій. У грековъ какъ разъ наоборотъ: много неурядицы, беспорядка, распущенности и запущенности; но въ общемъ удивительно сохраняется на всемъ таинственная печать давно прошедшихъ вѣковъ, и потому греческія святыни производятъ на васъ гораздо болѣе глубокое и гораздо болѣе характерное впечатлѣніе. Такъ и бросается въ глаза, что эти пришлые съ далекаго Запада латинцы — всѣмъ внутреннимъ существомъ своимъ, всею своею исторіею чужды простодушному восточному міру, что они никогда не въ силахъ постигнуть и усвоить себѣ его скромныхъ наивныхъ вкусовъ, его излюбленнаго типа святыни; и что напротивъ православный сирійскій арабъ, законные вѣковѣчные наслѣдники и туземцы востока, выросшіе на томъ же старомъ корнѣ, на которомъ стоялъ здѣшній древній міръ, безъ всякаго труда и усилія повторяютъ въ своихъ созданіяхъ и сохраняютъ на память будущимъ вѣкамъ прирожденные типы и идеалы востока. По крайней мѣрѣ, признаюсь искренно, ни одна изъ посѣщенныхъ мною многочисленныхъ католическихъ святынь Назарета не произвела на меня всѣмъ своимъ золотомъ и всею своею живописью такого полнаго и живаго впечатлѣнія, какъ спрятанный въ вѣдрахъ скалы колодезь Пресвятой Дѣвы съ его неудоб-

ными темными лѣстницами и грубою желѣзною кружкою на цѣпи.“¹⁾

По обозрѣніи святынъ, Преосвященный со многими изъ насъ отправился обозрѣвать русскія школы въ Назаретѣ. Его встрѣчали Инспекторъ училищъ, А. Г. Кезма, воспитанникъ Московской Академіи, учителя—арабы, недурно говоряшіе по русски, воспитавшіеся въ Назаретскомъ пансіонѣ. Приятно было сердцу русскаго человѣка слышать, какъ ученики этихъ школъ пѣли „Достойно“ и „Спаси Господи“ на нашемъ родномъ языкѣ. Послѣ привѣтствія, Преосвященный бесѣдовалъ съ училищнымъ начальствомъ и затѣмъ производилъ маленькій экзамень ученикамъ, заставляя ихъ прочитывать по русской книгѣ и задавая имъ нѣкоторые вопросы, соотвѣтственно ихъ возрасту. Отвѣты были вполне удачны и быстры. По всему было видно, что занятіе здѣсь идетъ вполне добросовѣстно и умѣло. Въ школахъ нѣсколько отдѣленій, сообразно возрасту и познаніямъ мальчиковъ, и вездѣ, при взглядѣ на ихъ занятія, впечатлѣніе получалось вполне благопріятное. Само училищное помѣщеніе довольно удобно: много свѣта и воздуха. Наканунѣ Преосвященный былъ въ Назаретскомъ пансіонѣ, гдѣ воспитываются учителя для этихъ школъ, и остался весьма доволенъ. Благословивъ учениковъ, Преосвященный оставилъ школу, причемъ дѣти громкимъ хоромъ съ гортаннымъ отгѣнкомъ и довольно медленно тянули: „про-щай-те Ва-ше Пре-о-свя-щен-ство!“ Затѣмъ такимъ же образомъ осматривали школу, гдѣ обучаются дѣвочки, и результаты оказались также хорошіе. Здѣсь при насъ завѣдывала этимъ дѣломъ Вал. С—на съ своими помощницами—арабками, воспитывавшимися въ Бет-жалльской школѣ. Между прочимъ, В. С—на показала намъ различныя рукодѣлія дѣвочекъ, которыя, по ея словамъ, любятъ эти занятія. Шитье, вязанія, различныя вышиванія чередуются съ ученіемъ грамоты и, не обременяя умственныхъ и физическихъ силъ дѣтей, даютъ въ общемъ хорошіе результаты. Нельзя не порадоваться, какъ русскіе труженики и труженницы, вдали отъ своей родины, въ непривычныхъ для нихъ климатѣ и обстановкѣ, успѣшно занимаются педагогическою дѣятельностью, не жалея своихъ

¹⁾ Путешествіе по Св. Землѣ. 421—22.

силъ для просвѣщенія дѣтей Востока, съ любовью работая надъ ихъ образованіемъ и воспитаніемъ.

По осмотрѣ школъ, все возвратились домой. Было около часу дня. Благодаря страшной жарѣ, мы нѣсколько утомились. Ровно въ часъ дня сѣли за обѣдъ, который прошелъ весьма оживленно. Наканунѣ еще рѣшена была поѣздка сегодня на Фаворъ, въ 2 часа дня, послѣ обѣда. Мы приготовились къ отъѣзду. У воротъ школы уже стояли осѣдланная животныя, и Марко то и дѣло торопилъ къ отъѣзду. Ровно въ половинѣ третьяго часа мы двинулись въ путь. Часть изъ насъ, болѣе безстрашныхъ и опытныхъ въ верховой ѣздѣ, отправилась на лошадяхъ, а часть — на осликахъ. Подъ Преосвященнымъ была прекрасная арабская лошадь, на которой всегда ѣздитъ митр. Фотій, отличный наѣздникъ. При выѣздѣ произошло небольшое приключеніе, едва не окончившееся бѣдой, съ однимъ изъ нашихъ спутниковъ, препод. Петерб. Семинаріи С. Н. В—мъ, которому досталась молодая и не выѣзженная лошадь. Едва онъ успѣлъ сѣсть на своего коня, какъ послѣдній, почувявъ на своей спинѣ не особенно искуснаго всадника, быстро понесся впередъ, имѣя намѣреніе сбросить его.

Мгновеніе, и нашъ всадникъ скрылся изъ нашихъ глазъ, направившись въ противоположную сторону нашего пути. Мы оцѣпенѣли отъ ужаса, боясь за жизнь молодого всадника. Не потерялся только Марко. Пришпоривъ своего коня, онъ погнался по улицамъ Назарета за скрывшимся изъ виду молодымъ скакуномъ. Мы стояли въ нетерпѣливомъ ожиданіи, предчувствуя несчастіе. Но вотъ, черезъ нѣсколько минутъ, показался нашъ храбрый кавасъ на своемъ бѣломъ конѣ, имѣя впереди себя пойманную и укрощенную имъ лошадь, на которой блѣдный, какъ полотно, сидѣлъ перепугавшійся С. Н.—чъ. Подобные случаи часто бывають на Востокѣ, такъ какъ содержатели, не имѣя подходящихъ лошадей, не стѣсняются давать мало объѣзженныхъ лошадей, не предупредивъ объ этомъ нанимателя.

Оправившись отъ волненія, мы продолжали свой путь. Впереди ѣхалъ Преосвященный на хорошей лошади, имѣя позади себя каваса, за ними другіе всадники на лошадяхъ, а ѣдущіе на осликахъ, конечно, по необходимости должны были отставать отъ нихъ. Мы ѣхали сначала по холмистой до-

рогъ, то поднимаясь, то опускаясь, и достигли, наконецъ, послѣдняго спуска съ Назаретскихъ горъ, съ которыхъ открывается очаровательный видъ на гору Фаворъ. Едва-ли можно встрѣтить какую-либо подобную по красотѣ гору. Не даромъ, какъ говоритъ церковное преданіе, Господь избралъ ее мѣстомъ Своего Преображенія. Даже мусульмане чтутъ эту гору, называя ее горою свѣта, хотя ошибочно считаютъ ее мѣстомъ, гдѣ Богъ говорилъ съ Моисеемъ, отдавая ему приказаніе идти къ фараону. Она стоитъ особнякомъ посреди долины Эдрелонской, имѣя видъ огромнаго усѣченнаго конуса. Только къ сѣверу, основаніе ея касается подошвы другой горы, такъ что образуется ущелье, по которому въ древнія времена проходили мирныя караваны и войска. Одна изъ характерныхъ чертъ Фавора, это—растительность, которою она покрыта сплошь, отличаясь этимъ отъ другихъ лежащихъ близъ нея горъ, совершенно лишенныхъ зелени. На нижнемъ скатѣ горы расположилось селеніе Дебуріе, гдѣ, по преданію, пророчица Девора, послѣ побѣды надъ Сисарою, воспѣла воинственный гимнъ Богу. Спустившись съ горъ Назаретскихъ, мы нѣсколько времени ѣхали долиною, приближаясь къ основанію Фавора. Подножье горы поросло рѣдкимъ дубовымъ лѣсомъ, хотя дубы не поражаютъ здѣсь русскою мощью своею. Затѣмъ стали подниматься на гору. Дорога становится все круче и круче. Кромѣ дубовъ разныхъ породъ намъ стали попадаться и стручковыя деревья, боярышникъ, остролиственникъ, терпентинныя деревья, въ изобиліи растущія на Фаворѣ. Тропинка, по которой мы поднимались, шла по горѣ зигзагами, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до того была узка, что мы цѣплялись часто за густую растительность, окаймлявшую съ обѣихъ сторонъ нашу дорогу. Наша кавалькада раскинулась на большое разстояніе по этой священной горѣ. Благодаря змѣеобразному пути, каждый изъ насъ видѣлъ своихъ спутниковъ въ разныхъ мѣстахъ по горѣ, и вверху надъ своею головою, и внизу подъ нашими ногами, и направо, и налѣво отъ себя. Смотри вверху на взобравшихся передовыхъ путниковъ, оставшіе удивлялись, какъ могли они подняться на такую высоту, хотя черезъ нѣсколько минутъ они сами занимали уже ихъ мѣсто и, оглядываясь назадъ, видѣли другихъ оставшихъ нашихъ товарищей, карабкавшихся по крутой узкой

дорожкѣ; ослики съ трудомъ поднимались вверхъ, часто спотыкаясь, подгоняемые погонщикомъ, снабженнымъ толстою палкой и шиломъ. Приближаясь къ вершинѣ, мы стали встрѣчать уже культивированныя растенія: гранаты, лимонныя и миндальныя деревья, смоковницы, яблони — ранеты, грушевыя, абрикосовыя деревья, и даже лавры; финиковыхъ деревьевъ было очень мало, такъ какъ они съ трудомъ акклиматизируются здѣсь. Весною, говорятъ, поверхность Фавора представляетъ собою коверъ разнообразныхъ и всевозможныхъ цвѣтовъ, благоуханіе отъ которыхъ распространяется по всей горѣ. Орлы, ястребы, соколы и другія хищныя птицы летали надъ нашими головами, плавно разрѣзая воздухъ своими крыльями. Хамелеоны и большія ящерицы встрѣчались по дорогѣ, прячась въ кусты при нашемъ приближеніи. Говорятъ, что на Фаворѣ водятся скорпіоны, земляныя черепахи и даже змѣи до двухъ метровъ длины, хотя и не ядовитыя; но намъ не пришлось видѣть здѣсь этихъ гадовъ. На Фаворѣ, въ густыхъ чащахъ зелени и въ безчисленныхъ гротахъ, встрѣчаются дикообразы, газели, шакалы, лисицы и даже гіены большой величины, но они не нападаютъ на прохожихъ, если ихъ не вызываютъ на это. Съ того времени, какъ вершина Фавора стала обитаемой, населявшіе ее прежде леопарды, пантеры, вепри удалились отсюда въ другія горы. Воздухъ на Фаворѣ чистъ и свѣжъ; климатъ довольно умѣренный; зимою термометръ рѣдко падаетъ ниже нуля; а если и бываетъ снѣгъ, то онъ быстро таетъ отъ знойныхъ лучей восточнаго солнца. Группъ Фавора известковый. Отсюда добываютъ превосходнаго качества камни для постройки, начиная съ самыхъ мягкихъ, до самыхъ твердыхъ известняковъ. Жирная известь съ Фавора не оставляетъ желать ничего лучшаго. Вся гора изпещрена натуральными гротами довольно обширными и разнообразной формы. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ спасались отшельники, другіе служили для погребенія покойниковъ, третьи—для водоемовъ, а иные служили подземными крѣпостями и убѣжищами во время частыхъ войнъ въ Палестинѣ. Мы взбирались по сѣверному склону горы, менѣе крутому; самый же крутой—это западный склонъ съ болѣе рѣдкою зеленью, чѣмъ сѣверный; южный же склонъ почти совсѣмъ обнаженный, и подниматься съ этой стороны на Фаворъ почти невозможно.

Наконецъ показалась верхушка горы съ какими-то зданіями, куда мы и направили свой путь. Ровно въ 5 ч. веч. мы взобрались на самую вершину священнаго холма и стали здѣсь поджидать отставшихъ путниковъ. Эта вершина имѣетъ видъ длинной и широкой площадки, на которой находится маленькая греческая церковь, съ низенькой колокольней, принадлежащая греческому монастырю. Мы стали ощущать здѣсь нѣкоторую прохладу. Поднявшійся сильный вѣтеръ старался сорвать наши фуражки. Послѣ Назаретской жары переменна температура давала сильно себя чувствовать. Да и не удивительно: мы находились на 1500 футовъ выше равнины, простирающейся внизу, или на 1850 футовъ надъ уровнемъ моря.

Немного спустя появился совершенно неожиданно для насъ митр. Фотій на прекрасной лошади, взмыленной отъ пота. Оказалось, что онъ хотѣлъ встрѣтить насъ, но нѣсколько запоздалъ. Поздоровавшись съ Преосвященнымъ, онъ проѣхалъ въ монастырь, попросивъ насъ нѣсколько пообождать отставшихъ путниковъ и затѣмъ всѣмъ вмѣстѣ отправиться въ монастырь. Вскорѣ подоспѣли къ намъ и наши путники, и всѣ мы вошли во дворъ греческой церкви, гдѣ Преосвященный былъ встрѣченъ мѣстнымъ причтомъ, въ облаченіи и съ крестомъ, при пѣніи по гречески тропаря Преображенію. Среди двора помѣщается эта церковь; позади нея находится довольно большое двухъэтажное зданіе; это — покои митрополита и помѣщеніе для приема почетныхъ гостей; вдоль стѣнъ двора по обѣимъ сторонамъ церкви стояли какія-то маленькіе домики, служащіе, какъ оказалось потомъ, кельями для братіи монастыря и помѣщеніями для православныхъ богомольцевъ. Мы вошли въ храмъ. Митр. Фотій былъ уже въ маломъ омофорѣ и тотчасъ же началъ служить для насъ краткій молебенъ. По окончаніи молебна, мы всѣ хоромъ спѣли тропарь Преображенію. Послѣ этого митр. Фотій сказалъ прекрасную рѣчь по гречески: въ этой рѣчи онъ, между прочимъ, высказалъ радость, что это святое мѣсто осчастливлено знакомъ вниманія и со стороны русскаго Царствующаго Дома. При этомъ онъ указалъ на художественный образъ Преображенія Господня—подарокъ покойной Императрицы Маріи Александровны. Преосвященный въ свою очередь отвѣтилъ рѣчью, положивъ въ основаніе ея извѣстныя слова Ап. Петра: „Господи! Добро здѣсь

намъ быти"! Затѣмъ, подъ руководствомъ Митрополита, мы осматривали внутренность церкви, которая далеко не отличается ни роскошью, ни изяществомъ отдѣлки. Простота обстановки и даже убожество бросались въ глаза. Эта церковь построена, по греческому свидѣтельству, на развалинахъ древняго храма императрицы Елены, разрушеннаго въ 1183 году войсками Саладина. При разсмотрѣннн греческаго храма, можно замѣтить нѣкоторые остатки отъ древней церкви, именно: сводъ въ южной сторонѣ храма сохранилъ въ своихъ нижнихъ частяхъ слѣды древней живописи. Три ниши изображаютъ тѣ три сѣни, которыя Ап. Петръ желалъ построить на мѣстѣ Преображенія Господня. Алтари въ этихъ нишахъ дѣйствительно посвящены: Спасителю, Моисею и Или пророку. Главный престолъ занимаетъ то самое мѣсто, гдѣ, по преданію, совершилось Преображеніе Господне. По выходѣ изъ храма, митр. Фотій привелъ насъ къ одному мѣсту на вершинѣ священнаго холма, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ монастыря, и указалъ на разстилающуюся передъ нами чудную панораму. Мы были поражены открытымъ видомъ великолѣпнѣйшаго ландшафта, представшаго предъ нашими очарованными взорами. Подъ нами была разостлана какъ бы громадная географическая карта съ рельефными очертаніями горъ и холмовъ, перерѣзанныхъ цвѣтущими долинами, по которымъ змѣйками вьются многочисленные водные источники.

Сначала нашъ взглядъ былъ устремленъ на сѣверъ, на поднимавшіеся гигантскіе отроги горы Большого Ермона, три вершины котораго, почти одинаковой высоты, находятся на 2808 метровъ надъ уровнемъ моря. Арабы называютъ его „Джебель-эшъ-шейхъ“, т. е. сѣдою горою, такъ какъ вершины ея покрыты снѣгомъ круглый годъ. Смотри по тому же направленію внизъ, мы остановились взоромъ своимъ на виднѣющейся отсюда части Генисаретскаго озера, съ которымъ связано такъ много трогательныхъ сценъ изъ земной жизни Господа. Обозрѣвая пространство между Фаворомъ и Тиверіадою, мы невольно останавливаемъ свой взоръ на плѣнительномъ холмѣ Карнъ-Каттинъ, расположенномъ на 308 метровъ надъ уровнемъ моря; этотъ холмъ въ 1187 г. былъ центромъ горячей битвы, положившей конецъ латинскому царству. Въ селеніи, находящемся позади этого холма, евреи показываютъ могилу

Иоѳора, тестя Моисея. Налѣво, видна деревня Лубіе, гдѣ французскій генераль Джуно, въ апрѣлѣ 1799 г., одержалъ побѣду надъ Мамелюками; затѣмъ—селеніе Саджара, близъ котораго евреи недавно купили землю и основали тамъ свои колоніи. Направо, расположено селеніе Кафрсайтъ, населенное алжирцами, которые въ 1847 г. оставили свое отечество и владѣютъ здѣсь нѣсколькими участками земли. Смотря по тому же направленію, мы различаемъ строенія селенія Кафркамма, обитаемаго черкесами, которые въ 1878 г., во избѣжаніе подданства русскимъ, предпочли оставить свое отечество. Почти у подошвы Өавора расположенъ Сукъ-эль-ханъ, караванъ-сарай для купцовъ, около источника, весьма обильнаго водой; омывая подножіе Өавора, онъ впадаетъ въ Іорданъ. Съ Өавора можно наблюдать за теченіемъ рѣки Іордана, которая на всемъ протяженіи своемъ отъ озера Тиверіадскаго до Мертваго моря, течетъ, извиваясь тысячами излучинъ. Оглянувшись назадъ, мы увидѣли во всей шири своей Эдрелонскую равнину, перерѣзываемую двумя почти параллельными цепями горъ—Малымъ Ермономъ и горами Гелвуйскими. Малый Ермонъ называется малымъ въ отличіе отъ Большаго Эрмона, вѣчно покрытаго снѣгомъ и дающаго начало Іордану; находится противъ Өавора, къ югу отъ него. Объ этихъ горахъ Псалмопѣвецъ поетъ: „Өаворъ и Эрмонъ о имени Твоемъ возрадуются.“ На вершинѣ его, высоко въ облакахъ, бѣлѣетъ неизбѣжная мечеть мусульманскаго шейха. У подножія его виднѣются уже упомянутыя нами когда-то города, а теперь бѣднѣйшія селенія: Сонамъ, Нанъ, Аэндоръ, и др., находящіяся на развалинахъ библейскихъ городовъ, дорогихъ намъ по своимъ, священнымъ воспоминаніямъ. Смотря съ горы Өаворъ на окружающія его мѣстности, мы мысленно какъ бы перечитываемъ страницы священной Библии, гдѣ не разъ говорится о различныхъ событіяхъ, совершавшихся въ окидываемыхъ нашими взорами окрестностяхъ Өавора.

Смотря на западъ, мы видимъ передъ собою величественный Кармилъ, съ которымъ соединено имя пророка Іліи и его ревность къ славѣ Іеговы... Подувшій отсюда прохладный вѣтерокъ указалъ намъ на едва замѣтныя воды Средиземнаго моря. Въ этомъ же направленіи находится и Назаретъ; но мы видимъ только деревню Іксаль, древній

Газалофъ, надъ которой возвышается остроконечная гора Низверженія, откуда жители Назарета хотѣли сбросить Господа. Самый же городъ скрытъ за высокими горами; видно только нѣсколько строеній, лежащихъ на возвышенностяхъ горъ Назаретскихъ. Долго мы стояли бы на одномъ мѣстѣ, любясь плѣнительнымъ ландшафтомъ, вспоминая исторію народа Божія, если бы не надвигавшійся вечеръ и желаніе осмотрѣть еще нѣкоторыя развалины на Фаворѣ, находящіяся въ сторонѣ отъ греческаго монастыря и принадлежащія католикамъ.

Поблагодаривъ митр. Фотія за любезность, мы отправились къ латинскому монастырю одни, въ сопровожденіи каваса Марко. На пути встрѣтилъ насъ аббатъ этого монастыря, монахъ-францисканецъ, въ коричневой рясѣ, со станомъ, перевязаннымъ веревкою. Представившись Преосвященному, онъ облобызалъ его десницу и съ любезной улыбкой пригласилъ насъ слѣдовать за собою, предлагая своей услуги при осмотрѣ раскопокъ на этой священной горѣ. Это былъ извѣстный патеръ Barnavé, специально произвѣдившій раскопки на Фаворѣ и, слѣдовательно, хорошо знакомый съ здѣшнею мѣстностью. Благодаря этому ученому и любезному монаху, мы узнали многое относительно этой горы, которая раньше была довольно населеннымъ пунктомъ: слѣды стѣнъ, арокъ, фундаментовъ домовъ и церквей разбросаны кругомъ всей вершины ея. Тутъ перемѣшаны памятники разныхъ столѣтій, различныхъ народовъ. Вообще тутъ богатѣйшая почва для археологическихъ работъ. Тутъ годами можно съ интересомъ копаться.

Патеръ Варнава и принадлежитъ къ числу такихъ ученыхъ „землекопателей“, занимающихся здѣсь уже нѣсколько лѣтъ. Результаты его работъ, во многомъ проблематичные, обнародованы въ сочиненіи на французскомъ языкѣ. Знакома насъ съ исторіею развалинъ, о. Варнава обращалъ преимущественно вниманіе наше на религіозные памятники. Такъ, при входѣ въ этотъ „городъ развалинъ“, занимающій громадную квадратную площадь, онъ обратилъ прежде всего наше вниманіе на остатки маленькой церкви, стѣны которой еще и теперь стоятъ, имѣя отъ одного до двухъ метровъ вышины. Это — первое священное зданіе, открытое немного болѣе сорока лѣтъ тому назадъ при расчисткѣ восточнаго угла площадки.

Это—остатки весьма древняго зданія. Въ стѣнѣ абсида существуютъ еще налѣво и направо двѣ ниши, довольно глубокія и широкія, которыя могли закрываться дверцами. Одна изъ нихъ, на сѣверной сторонѣ, поднимаясь нѣсколько надъ землею, служила жертвенникомъ, куда христіане складывали принесенныя жертвы, состоявшія изъ хлѣба и вина; другая же имѣла значеніе діакона, гдѣ находились священные сосуды и евангеліе. Въ центрѣ полукружія есть узкое окно, которое освѣщало олтарь. Внизъ отсюда была дверь, ведшая посредствомъ трехъ ступенекъ въ ризницу. Къ западному фасаду былъ прислоненъ маленькій монастырь, развалины котораго восходятъ къ эпохѣ, предшествовавшей эпохѣ крестоносцевъ. Входъ былъ съ южной стороны, и дверь открывалась внутрь церкви; во времена крестоносцевъ эта дверь исправлялась, что видно по ея косякамъ, изъ которыхъ одинъ полированъ, а другой носитъ на себѣ слѣды діагональной чеканки съ признаками каменотесной работы. Первоначальное построеніе этой церкви относятъ ко времени царицы Елены. Но съ этимъ предположеніемъ трудно согласиться, такъ какъ, по свидѣтельству Никифора Каллиста, царица Елена соорудила великолѣпнѣйшій храмъ, богато одаривъ его,—что не вяжется съ небогатою церковью, развалины которой мы обозрѣваемъ.

Далѣе, Варнава показалъ намъ развалины церкви — базилики, съ тремя нефами или кораблями. Время построенія этой церкви о. Варнава относитъ къ VI-му вѣку, къ царствованію Юстиніана, который въ свою очередь воздвигъ ее на развалинахъ храма, построеннаго царицею Еленою на мѣстѣ Преображенія Господня. На это указываетъ, между прочимъ, внѣшняя стѣна боковаго корабля, въ южной части, которая, по способу кладки, можетъ быть признана византійскаго происхожденія. Сооруженная изъ большихъ камней, она снабжена въ западномъ концѣ большимъ контрфорсомъ, который наклонился внутрь вслѣдствіе одного землетрясенія. Въ сѣверной части также нашли стѣну и соответствующій ей контрфорсъ. Въ южной части, внѣ того мѣста, которое соответствуетъ атриуму, видны остатки квадратнаго баптистерія, длина боковъ котораго равняется четыремъ метрамъ. Полъ его мозаичный, составленный изъ маленькихъ кубиковъ—бѣлыхъ, красныхъ и черныхъ. Въ центрѣ его нахо-

дится кругъ около метра въ діаметрѣ, но безъ мозаики: это—мѣсто крещальной чаши, вѣроятно съ одной ножкой. Передъ главной церковью видны развалины двухъ маленькихъ церквей, изъ которыхъ одна, направо, была посвящена Моисею, а другая, налево, Или, соотвѣтственно тремъ сѣнямъ, о которыхъ говорилъ Спасителю Апостоль Петръ, восхищенный необыкновеннымъ чудомъ Преображенія Господа ¹⁾. Много вѣковъ прошло съ тѣхъ поръ; въ теченіе этого времени построенныя на этомъ святомъ мѣстѣ церкви то разрушались, то возобновлялись. Такихъ разрушеній и возобновленій, по мнѣнію Варнавы, было отнюдь не меньше четырехъ.

Въ центрѣ площади находилась маленькая часовенка, длиною въ 9 метровъ и шириною въ четыре метра, для небольшого количества монаховъ, жившихъ въ домахъ, прислоненныхъ къ этой часовнѣ. Она стоитъ на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, Господь послѣ Преображенія обратился къ Апостоламъ со словами: „никому не говорите о видѣнномъ“.

Далѣе, о. Варнава указалъ намъ въ развалинахъ на слѣды бывшаго здѣсь монастыря монаховъ Бенедектинцевъ. Такъ, очень ясно тутъ можно различить четырехугольную залу, метровъ въ сто въ квадратѣ, со столбомъ по срединѣ, для поддержки свода. По мнѣнію патера Варнавы, это была трапезная для монаховъ. Въ глубинѣ одной ниши находится цистерна для воды; каменные скамейки, съ подпорами для ногъ, помѣщались по стѣнамъ залы; широкая эстрада на восточной сторонѣ указываетъ на мѣсто настоятеля монастыря; напротивъ, на восточной сторонѣ, находится дверца, ведущая въ кухню. Размѣры трапезной показываютъ, что число монаховъ было ограничено. Кухня сохранила свой базальтовый очагъ, на которомъ на крючкахъ висѣли котелки; виднѣется также глиняная труба для притока воды. Въ толщѣ окружной стѣны расположена маленькая баня съ куполомъ, просверленнымъ круглыми отверстіями и съ краями для теплой и холодной воды; въ сторонѣ

---

¹⁾ На основаніи этого католики полагаютъ, что они владѣютъ, а не Греки, подлиннымъ мѣстомъ Преображенія Господня.

находятся остатки маленькой комнаты, полъ которой выстланъ бѣлымъ мраморомъ.

Кромѣ этихъ развалинъ, свидѣтельствующихъ о религіозномъ значеніи Фавора, тутъ много есть развалинъ, указывающихъ на стратегическое значеніе его. По нимъ можно прослѣдить событія, происходившія здѣсь съ давнихъ временъ. Тутъ можно найти: и библейскую твердыню, изъ которой Варакъ выводилъ свои ополченія противъ Сисары, и городъ Сирійскаго Антиоха, и осадный замокъ, гдѣ возставшіе іудеи бились противъ римскихъ легионовъ Веспасіана, и крѣпость крестonosцевъ-королей, и сарацинскую крѣпость Мелекъ-эль-Аделя. Планъ этой послѣдней по времени крѣпости любезный патеръ Варнава и объяснилъ намъ на основаніи раскопокъ, произведенныхъ имъ. Крѣпость эта опоясывала вершину Фавора; и теперь еще видны заросшія лѣсомъ осыпи ея. Занимая такую громадную площадь, она имѣла на своемъ протяженіи 12-ть башенъ. Глубокіе и широкіе рвы шли почти вокругъ всей площади, не исключая юго-восточной стороны, куда подступить почти невозможно. Вдоль рововъ поднимались крутые откосы, гдѣ находились осажденные и ихъ военныя орудія. На южномъ концѣ крѣпости находился естественный мостъ — громадная каменная плита, перекинутая отъ одной стороны рва къ другому. Двѣ башни защищали этотъ мостъ, въ случаѣ, если бы осаждающіе захотѣли воспользоваться имъ; одна изъ башенъ снабжена секретной дверью для вылазки противъ непріятелей; потайную же дверь имѣла и башня, находившаяся на восточной сторонѣ крѣпости. Благодаря такому устройству, гарнизонъ могъ нападать съ двухъ сторонъ на непріятеля. Внутри крѣпости въ сѣверо-восточномъ углу находилась громадная цистерна въ 20 метровъ длины, 16 мет. ширины и 8 глубины, вмѣстимостью болѣе 2,600 куб. метровъ. Въ случаѣ, если бы непріятель осадилъ крѣпость, то гарнизонъ, имѣя достаточное количество воды, могъ бы долгое время сопротивляться, не отдавая въ руки враговъ.

Показавъ намъ всѣ достопримѣчательности, любезный францисканецъ привелъ насъ и въ свой монастырь, — небольшое одноэтажное зданіе, съ маленькою, но чистенькою церковью, внутренность которой, впрочемъ, ничего интереснаго изъ себя

не представляеть. Мы намѣревались было уже проститься съ милымъ аббатомъ, но онъ не хотѣлъ отпустить насъ безъ восточнаго угощенія. Мы вошли за нимъ въ длинную и высокую комнату, снабженную двумя длинными столами, на которыхъ были разбросаны книги и журналы; вдоль каждой стѣны находился диванъ, обитый цвѣтною бумажною матеріею. На стѣнахъ висѣли картины изъ Священнаго Писанія, разные фотографическіе снимки, географическія карты и громаднхъ размѣровъ планъ горы Фавора съ помѣченными на немъ мѣстами, гдѣ производились раскопки и были открыты остатки какихъ-либо древнихъ зданій. Этотъ планъ, какъ нельзя кстати, дополнялъ и оживлялъ продолжавшееся и здѣсь объясненіе Варнавы относительно топографіи священной горы; ученому монаху пріятно было рассказывать о результатахъ своихъ многолѣтнихъ изслѣдованій по этому вопросу. Громадный книжный шкафъ со стеклянной дверцей давалъ намъ понять, что ученое занятіе было любимымъ дѣломъ Варнавы. Слушая его ученую бесѣду въ подобной обстановкѣ, мы забывали на время, что находимся въ пріемной Фаворской обители, и что передъ нами стоитъ настоятель францисканскаго монастыря, напоминавшій собою скорѣе ученаго лектора, читавшаго намъ лекцію по предмету археологии. Выпивши по чашкѣ чернаго кофе, мы, поблагодаривши радушнаго хозяина, вышли изъ латинскаго монастыря и направились къ греческому монастырю, до котораго провожали насъ любезный аббатъ Варнава. Уже стемнѣло, когда мы пришли къ греческой обители и поднялись по лѣстницѣ въ верхній этажъ митрополичьихъ покоевъ. Въ длинной высокой залѣ, увѣшанной картинами, съ диванами по стѣнамъ, по срединѣ стоялъ уже большой столъ, на которомъ былъ сервированъ для насъ обильный ужинъ. Ровно въ 8 час. митр. Фотій вышелъ изъ своихъ внутреннихъ комнатъ и пригласилъ Преосвященнаго и всѣхъ насъ раздѣлить съ нимъ трапезу. Ужинъ прошелъ незамѣтно. Назаретскій Владыка былъ весьма любезенъ, велъ оживленную бесѣду съ Преосвященнымъ и проф. Каптеревымъ. При этомъ онъ говорилъ о превратностяхъ своей жизни (о троекратномъ избраніи его Патріархомъ, — въ 1-й разъ на 29-мъ году, — о жизни на Синаѣ), о жизни восточнаго ду-

ховенства, которое, не исключая даже и высшаго, часто терпитъ матеріальную нужду. „Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому,—говорилъ митр. Фотій,— что наши архіереи совершаютъ въ своихъ епархіяхъ требы, которыя у васъ, въ Россіи, совершаютъ только простые священники, какъ, напри- мѣръ, крещеніе или вѣнчаніе“. Поблагодаривъ послѣ ужина любезнаго архипастыря за его угощеніе и получивъ отъ него благословеніе, мы пошли спать въ приготовленныя для насъ помѣщенія.

Засыпая, мы продолжали видѣть сквозь сонъ передъ собою чудную панораму окрестностей Өавора и слышать ученія разглагольствованія католическаго монаха; библейскія исторіи, связанныя съ видѣнными нами съ Өавора мѣстностями, роились въ нашей головѣ; воспоминанія о Өаворскихъ событіяхъ уносили нашу мысль далеко назадъ въ тѣ отдаленныя времена, когда „Сынъ Божій сошелъ съ небесъ, принявши плоть человѣка“. „Неужели мы находимся близъ того мѣста, гдѣ Господь явилъ Своимъ ученикамъ славу Свою, преобразившись предъ ними?“ Вотъ мысль, которая неотступно сидѣла въ нашихъ отяжелѣвшихъ отъ долгаго бодрствованія головахъ. При этомъ священномъ воспоминаніи, сладостное чувство религіознаго восторга наполняло наши сердца, и мы, отходя ко сну, какъ бы говорили про себя подобно Петру: „Господи, хорошо намъ здѣсь!“.....

8-е іюля. Суббота. Въ Тиверіаду. Утро. Видъ съ Өавора. „Хаттинъ“—гора Блаженствъ. „Гора пяти хлѣбовъ“. Современная Тиверіада. Въ греческой обители. Генисаретское озеро. Видъ на окрестности. Прогулка по озеру. Горячіе источники. Прощаніе съ Тиверіадою. Обратнo въ Назаретъ по новому пути. Кана Галилейская. Молебень въ храмѣ. Врачныя сосуды. Въ гостяхъ у арабскаго священника. Сепфуріе. Позднее возвращеніе въ Назаретъ.

Въ три часа утра рѣзкій колокольный звонъ къ заутренѣ разбудилъ насъ. Хотя оставался еще цѣлый часъ до срока, назначеннаго Марко для нашего вставанія, но сонъ былъ нарушенъ, и мы не могли уже заснуть. Нѣкоторые изъ насъ, одѣвшись, отправились въ церковь, гдѣ утренняя была уже на половинѣ. Хотя не болѣе получаса пробыли мы во храмѣ, хотя служба далеко не отличалась торжественностью, мы

все-таки, немного удовлетворили своему религіозному чувству: не посѣтитъ Божьяго храма въ этотъ день, въ день празднованія Казанской Божіей Матери, — это было бы для насъ большимъ лишеніемъ. Въ пятомъ часу утра мы всѣ собрались въ большую залу митрополичьихъ покоевъ, куда насъ пригласили пить чай. Назаретскій Владыка и нашъ Преосвященный давно уже встали и сидѣли за чайнымъ столомъ, бесѣдуя другъ съ другомъ. Напившись чаю и подкрѣпившись немного холодными закусками, мы стали прощаться съ привѣтливымъ митрополитомъ и готовиться въ дальнѣйшій путь, въ Тиверіаду. Ровно въ 5 ч. утра, въ такомъ же порядкѣ, какъ и наканунѣ, напутствуемые благословеніемъ и добрыми пожеланіями Назаретскаго владыки, выѣхали мы изъ-подъ крова гостепріимной обители. Солнце еще не всходило; утренній туманъ покрывалъ насъ, мы вздрагивали отъ нѣкотораго озноба.

Ѣхали очень тихо, такъ какъ спускъ съ горы едва-ли не труднѣе подъема на нее: мы каждую минуту находились въ опасности кубаремъ слетѣть съ лошади или осла въ случаѣ малѣйшей потери равновѣсія. Въ заботахъ объ этомъ, мы мало обращали вниманіе на чудный разстилавшійся передъ нами ландшафтъ, поглощенные всецѣло мыслью о благополучномъ спускѣ. А, дѣйствительно, было, чѣмъ любоваться! Утро было прекрасное. Картина пробуждающейся природы была очаровательна. Вотъ, на востокѣ, появилось сначала зарево отъ восходящаго солнца; нѣсколько мгновеній — и громадный огненный кругъ выползъ изъ-подъ земли, разливая во всѣ стороны свои горячіе лучи, окрашивая въ живой натуральной цвѣтъ окружающія насъ горы и долины. Чѣмъ выше поднималось солнце, тѣмъ болѣе оживала природа. Вотъ скрылись за поздавшія на небѣ двѣ маленькія звѣздочки, послѣдніе остатки прошедшей ночи, и день вступилъ въ свои права, свѣтъ заступилъ мѣсто мрака. Опять появились на дорогѣ ящерицы и хамелеоны, опять запѣли птички, порхая въ чистомъ прозрачномъ воздухѣ, замелькали передъ нами какія-то сѣрыя мошки, а высоко надъ нашими головами показались опять громадные орлы, выслѣживавшіе себѣ добычу. Природа ожила. Послѣднія росинки на деревьяхъ быстро стали высыхать отъ горячихъ лучей солнца, и затѣмъ

страшная жара смѣнила ночную прохладу. Мы ѣхали уже почти часъ. Спускъ дѣлался отложе и легче для насъ. Преосвященный и всѣ тѣ, которые имѣли лошадей, далеко опередили ѣхавшихъ на ослахъ. Трудно приходилось тѣмъ изъ насъ, которымъ была непривычна верховая ѣзда. Жаль было смотрѣть на отставшихъ отъ насъ проф. Н. Ѳ. Каптерева, о. Александра и протоіерея Вишнякова, которые съ трудомъ плелись за нами вслѣдъ, съ нескрываемымъ нетерпѣніемъ ожидая конца верховой ѣзды, причинявшей имъ такъ много страданій, ясно отражавшихся на ихъ измученныхъ отъ усталости лицахъ. Это должно было продолжаться до деревни Лубіе, гдѣ насъ должны были ожидать экипажи. Спустившись съ горы, поѣхали мы по довольно ровной дорогѣ среди густого лѣса, за деревья котораго то и дѣло цѣплялись наши фуражки. Скоро лѣсъ сталъ рѣдѣть, большія деревья замѣнились кустарниками, и черезъ полчаса мы вѣхали на поляну; здѣсь должны были мы остановиться, поджидая отставшихъ путниковъ, которые были безъ кавасовъ. Наконецъ, они насъ догнали, и мы поѣхали вмѣстѣ. Налѣво и направо отъ дороги виднѣлись полосы пахатной земли, освобожденной отъ камней, которые, бывъ брошены на дорогу, затрудняли этимъ нашихъ маленькихъ животныхъ. Мѣстами эти полосы были покрыты чертополохомъ и совершенно негодны для посѣва. Чѣмъ дальше мы ѣхали, тѣмъ дорога дѣлалась лучше и земля плодороднѣе. Мы погнали своихъ ословъ и быстро поѣхали впередъ. Не утерпѣли мы, чтобы не оглянуться назадъ, и въ послѣдній разъ полюбоваться величественнымъ Фаворомъ съ его великолѣпной конусообразной вершиной и прелестными рощами. Впереди насъ на сѣверѣ громоздились во всемъ своемъ величіи горы Сафедъ, а за ними, освѣщенная яркимъ сіяніемъ солнца, виднѣлась бѣлоснѣжная вершина Ермона. „Хаттинъ“!, показалъ намъ рукою на сѣверо-востокъ одинъ изъ кавасовъ; мы взглянули по этому направленію и увидѣли передъ собою стоящую стдѣльно отъ другихъ небольшую возвышенность съ срѣзанной вершиной и съ высокими бурами кругомъ ея, напоминающими собою рога, — отъ чего эта гора и получила названіе „Хаттинъ“ (т. е. роговъ). На этой-то горѣ, окруженный Своими учениками и толпою народа, Божественный Учитель и произнесъ нѣкогда спа-

сительную нагорную проповѣдь о девяти блаженствахъ, отъ чего „Хаттинъ“ и получилъ еще названіе „горы Блаженствъ“. При воспоминаніи о томъ, что по тѣмъ мѣстамъ, на которыхъ въ настоящее время находимся мы, ступала Божественная стопа Спасителя, усталости въ насъ какъ не бывало. Если намъ казался труднымъ нашъ путь, совершаемый верхомъ, то каково же было Господу путешествовать по этой же дорогѣ пѣшкомъ, въ такой же зной, по острымъ разбросаннымъ здѣсь камнямъ! Ученики въ этомъ отношеніи подражали своему Учителю, а народъ, жаждавшій послушать Божественную проповѣдь мира и любви, не обращалъ вниманія на путевыя трудности, слѣдуя всюду за Господомъ....

Наконецъ повернули мы влѣво на большую экипажную дорогу по направленію къ деревнѣ Лубіе, около которой увидѣли дожидавшія насъ повозки; на нихъ мы должны были ѣхать до Тиверіады и обратно въ Назаретъ. Преосвященный съ Марко и двумя молодыми путниками уже болѣе часу дожидались насъ, прибывши сюда верхомъ на прекрасныхъ лошадяхъ. Жалко было намъ расставаться съ осликами, которые почти цѣлую недѣлю вѣрно служили намъ и, не смотря на нѣкоторое упрямство свое, развлекали насъ въ дорогѣ, проявляя во время всего длиннаго пути свои характерныя черты.... Было два экипажа четырехмѣстныхъ, и одинъ шестимѣстный, запряженный тройкой. На нихъ вся наша компанія, въ составѣ 14-ти человекъ, и размѣстилась. Въ 9-ть часовъ утра мы направились къ Тиверіадѣ по прекрасной дорогѣ, пересѣкающей плодородную долину Галилеи, прославившуюся особенно частыми путешествіями по ней Господа. Мы почти поровнялись съ горою Блаженствъ, которая была влѣво отъ дороги, напротивъ насъ, хотя и на значительномъ отъ насъ разстояніи. Очертанія этой священной горы ясно были видны нашимъ глазамъ. Какъ живо припоминался намъ Христосъ, возсѣдавшій здѣсь на сръзанной площадкѣ холма, и громко, во всеуслышаніе, проповѣдывавшій о Царствѣ Божіемъ! Мы какъ бы сейчасъ видимъ передъ собою притаившую дыханіе толпу, жадно слушающую Святое Слово! У подножія этой горы, на нижнемъ хребтѣ ея, расположена деревушка Хаттинъ, съ домами, напоминавшими собою издали груды сѣ-

рыхъ камней. Не въ этой ли долинь, у подножія горы, ученики Господа, не обращая вниманія на субботу, срывали колосья и ѣли, за что и были обличены фарисеями, которые, въ свою очередь, были осуждены за это Божественнымъ Учителемъ. Въ этой же долинь, близъ Хаттина, въ 1187 г. происходила кровопролитная битва между мусульманами и крестоносцами; послѣднимъ былъ нанесенъ здѣсь смертельный ударъ, слѣдствіемъ чего было изгнаніе изъ Іерусалима поклонниковъ Креста и утверженіе во св. Градѣ царства полумѣсяца. Это сраженіе произошло также въ іюль, во время сильнаго зноя, когда земля трескалась отъ жары и источники пересохли. Мы живо представляемъ себѣ весь ужасъ положенія несчастныхъ христіанъ, сражавшихся въ кровопролитной битвѣ противъ громаднаго полчища Саладина. Гнѣвъ Божій постигъ крестоносцевъ за ихъ гордость и нравственные пороки... Полчаса спустя, также влѣво отъ дороги, показалась небольшая возвышенность, на которой были разбросаны въ безпорядкѣ большіе черные камни, по какому-то предчувствію приковавшіе наше вниманіе. Оказалось, что это гора „Пять хлѣбовъ“, названная такъ въ воспоминаніе извѣстнаго чуда насыщенія пятью хлѣбами и нѣсколькими рыбами пяти тысячъ людей. Здѣсь было тринадцать камней; на одномъ, самомъ большемъ, по преданію, сидѣлъ Спаситель во время чудеснаго умноженія и раздаянія хлѣбовъ. Народъ называетъ эти камни тронами.

Поклонники имѣютъ обыкновеніе приносить сюда хлѣбы, которые присутствующій въ караванѣ священникъ благословляетъ, читая относящееся къ чуду Евангеліе, и раздаетъ ихъ народу для подкрѣпленія истощенныхъ длинною дорогою силъ. Спустя немного времени, и передъ нами мелькнула зеркальная поверхность воды, на которой живописными линіями отражались солнечные лучи. Это было священное для христіанъ озеро Генисаретское, по берегамъ котораго не одинъ разъ проходилъ Спаситель и неоднократно плавать по его водамъ. Отъ священныхъ камней до озера только пять верстъ. Скорѣе, скорѣе туда! Мы спускаемся внизъ по винтообразному спуску. Было около 11-ти часовъ утра, когда мы подѣхали къ небольшому городку, скрывавшемуся до сихъ поръ отъ насъ за невысокимъ холмомъ. Онъ расположенъ на берегу озера въ низменной котловинѣ,

почти на 680 футовъ ниже уровня Средиземного моря. Позади города возвышаются холмы до тысячи футовъ высоты, задерживающіе теченіе западныхъ вѣтровъ и способствующіе поэтому усиленію въ этой мѣстности страшныхъ жаровъ. Остатки полуразрушенныхъ толстыхъ стѣнъ кругомъ города и круглыхъ башенъ показываютъ, что на этомъ мѣстѣ стоялъ когда-то цвѣтушій городъ, ничего общаго не имѣющій съ встрѣчающимися здѣсь плохенькими плоскокрышными домиками, покосившимися на бокъ, какими-то сарайчиками и горами развалинъ, даже внутри самаго города. Трудно представить себѣ, что на этомъ мѣстѣ красовалась древняя Тиверіада, построенная Иродомъ Антипою, сіявшая блескомъ своей славы во времена Спасителя. Гдѣ теперь ея чудныя римскія ворота, величественные дворцы съ позолоченными крышами, знаменитые скверы, украшенные мраморными статуями, художественной работы? Плачевное состояніе теперешней Тиверіады не даетъ никакого понятія о прежней роскоши Галилейской столицы. При вѣздѣ въ городъ, мы увидѣли остатки разрушенной крѣпости, окруженной когда-то тремя толстыми стѣнами съ башнями. Теперь здѣсь жалкія развалины, обиталище ящерицъ и мышей, куда рѣдко ступаетъ человѣческая нога, во избѣжаніе опасности завязнуть въ этихъ каменныхъ горахъ и быть обсыпаннымъ пылью, падающей отъ прикосновенія къ обваливающимся стѣнамъ Тиверіадскаго акрополя. Грязныя, узкія улицы,—если можно назвать улицами эти жалкія подобія вонючихъ переулковъ,—оставляли въ насъ непріятное впечатлѣніе. Недалеко отъ берега наши экипажи остановились.—дальше нельзя было ѣхать по дорогѣ, усыпанной камнями. Мы вышли изъ экипажей и направились пѣшкомъ къ небольшому зданію, рядомъ съ которымъ помѣщалась маленькая греческая церковь, откуда уже доносились звуки одного и единственнаго маленькаго дребезжащаго колокола, въ честь Преосвященнаго. Идти по камнямъ было очень трудно. Засмотрѣвшись на чудныя воды Галилейскаго озера, Преосвященный споткнулся и чуть не упалъ на острые камни; но, къ счастью, находившійся близъ него Марко, не допустилъ его до паденія, и дѣло обошлось благополучно.

Около четверти часа шли мы по каменистой набережной. Затѣмъ, пройдя черезъ какой-то грязный дворъ, и не менѣ

грязный коровникъ, изъ котораго на насъ пахнуло запахомъ навоза, валявшагося подъ нашими ногами, мы черезъ какіе-то закоулки подошли къ убогой церковкѣ. Встрѣтилъ насъ греческій настоятель этой обители, игуменъ Авраамій, мужчина лѣтъ пятидесяти, небольшого роста, довольно плотнаго сложенія, съ хитрыми глазами на умномъ лицѣ, арабъ. Грязь, убожество, бѣдность внутренности этого храма превзошли наши ожиданія. Конечно, мы не думали встрѣтить здѣсь богатыхъ и изящныхъ украшеній и великолѣпной отдѣлки, но также и не думали увидеть здѣсь такой бросающейся въ глаза убогой обстановки. Полумракъ, царившій во храмѣ, увеличивалъ и безъ того грустное настроеніе, навѣянное на насъ убожествомъ церкви. Греческій священникъ, посланный впередъ митр. Фотіемъ, отслужилъ намъ краткое молебствіе. Приложившись къ иконѣ, изображающей спасеніе Христомъ утопающаго Ап. Петра, мы отправились изъ церкви въ домъ, предназначенный для пріема гостей. Съ трехъ сторонъ домъ окруженъ галлереею, на которую и выходятъ комнаты, служащая для отдохновенія почтенныхъ поклонниковъ. Насъ ввели въ угловую комнату, которая имѣла значеніе гостиной и была нѣсколько чище остальныхъ. Намъ подали неизмѣнное глико и черный кофе. О. Авраамій оказался весьма любезнымъ хозяиномъ. Онъ по происхожденію—арабъ, а потому и самъ удивляется своему игуменству въ Греческомъ монастырѣ. Раньше онъ былъ у колодца Іакова и принималъ дѣятельное участіе въ очисткѣ его отъ мусора и въ изысканіи тамъ прежнихъ ключей. О своемъ участіи въ этихъ раскопкахъ онъ не преминулъ намъ сказать самъ и былъ весьма доволенъ, когда узналъ, что мы посѣщали это мѣсто бесѣды Спасителя съ самарянкой. Большая толпа народа, не только дѣтей, но и взрослыхъ, собралась на дворѣ, а нѣкоторые вошли даже на балконъ и стали въ дверяхъ, но подъ благословеніе къ нашему епископу не подходили. Оказалось, что это все евреи, составляющіе главный контингентъ жителей теперешней Тиверіады. Они прибѣжали сюда поглазѣть на невиданнаго ими до сихъ поръ русскаго архіерея и его спутниковъ. Мы узнали, что въ Тиверіадѣ существуетъ прекрасная синагога. Послѣ Іерусалима и Хеврона, Тиверіада считается евреями самымъ священнымъ городомъ. У нихъ

есть повѣріе, что Мессія когда-нибудь долженъ выйти изъ озера Генисаретскаго и пристать къ Тиверіадѣ. Это и способствуетъ многочисленности здѣсь еврейскаго населенія. У католиковъ въ этомъ городѣ есть церковь во имя Ап. Петра, построенная, по ихъ преданію, на мѣстѣ, гдѣ Господь сказалъ Кифѣ: „паси овцы моя“. Нѣкогда же здѣсь стоялъ величественный храмъ, построенный при Константинѣ Великомъ, но онъ давно уже разрушенъ мусульманами.

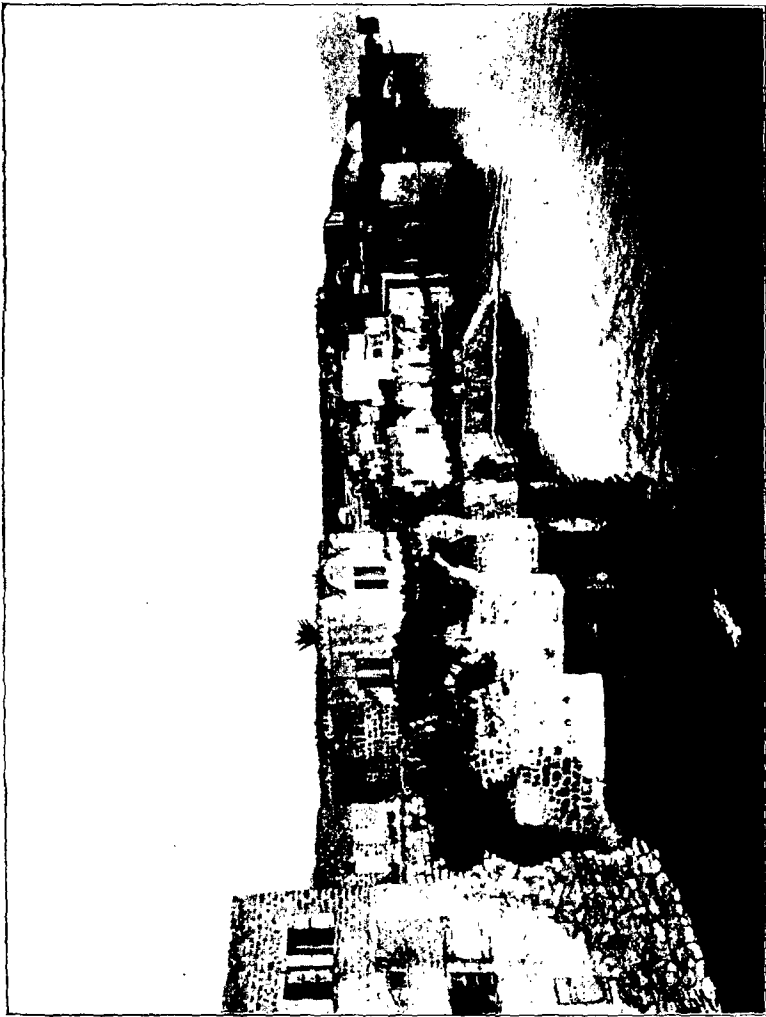
Отдохнувши немного, мы рѣшили выкупаться въ водахъ Тиверіадскаго озера, освященныхъ хожденіемъ по нимъ Спасителя и пребываніемъ на немъ въ своихъ лодкахъ Его благословенныхъ учениковъ. Мы вышли изъ дома черезъ грязный дворъ къ берегу озера. Освѣщенное яркимъ солнцемъ, евангельское море явилось передъ нами во всей своей красѣ. Оно овальной формы, по виду напоминаетъ грушу, въ самомъ широкомъ мѣстѣ имѣетъ десять верстъ, въ самомъ узкомъ—двѣ версты, а въ длину—версть восемнадцать. Какъ красиво было въ эту минуту это священное озеро съ его тихими и свѣтлыми водами, съ прозрачной рябью, какъ бы весело игравшей на солнцѣ, съ плескавшимися близъ береговъ безчисленными стаями рыбъ различныхъ породъ! Не даромъ Господь любилъ это мѣсто, неоднократно святой Ликъ его отражался на зеркальной поверхности прозрачныхъ водъ Генисарета, когда Онъ, сидя въ лодкѣ, недалеко отъ берега, съ вдохновеннымъ лицомъ, съ глазами, устремленными горѣ, произносилъ Свои чудныя проповѣди передъ собравшимися на берегу слушателями. Сколько чудесъ милосердія, сколько спасительныхъ уроковъ освятили это мѣсто! Это озеро, спокойно лежащее на днѣ окруженной скалистыми горами котловины, пробуждаетъ въ нашихъ душахъ столько воспоминаній, столько необыкновенныхъ впечатлѣній, что нами овладѣваютъ сладостныя чувства какого-то невыразимаго восторга, въ которомъ трудно отдать отчетъ себѣ самимъ. Мы вооружились биноклемъ и стали осматривать приозерныя мѣста. Вотъ, на сѣверѣ отъ Тиверіады разбросаны лачужки какого-то селенія, лежащаго на берегу озера, у подножія высокихъ скалъ, въ которыхъ видны устья пещеръ. Это—Маджалъ, древняя Магдала, мѣсто родины Маріи Магдалины, нѣкогда укрѣпленный башнями важный военный пунктъ. Въ горахъ Арбелла, возвышающагося на юго-западъ

отъ селенія Маджалъ, погребена, какъ извѣстно, несчастная Дина, дочь праотца Іакова. Къ западу отъ Магалды начинается прекрасное поле Генисаретское, съ одной стороны омываемое озеромъ, а съ другой—обрамленное высокими горами съ вычурными очертаніями. Вся эта равнина, вмѣстѣ съ окружающими ее возвышеніями, совершенно не обработана и представляетъ теперь настоящую пустыню. Прошли тѣ времена, когда трудолюбіе людей, помогая развитію богатой природы, превратило поверхность равнины Генисаретской въ цвѣтущій садъ, оглашаемый журчаніемъ ручьевъ, во множествѣ текущихъ здѣсь. Іосифъ Флавій картинно описываетъ плодородіе этой равнины во время земной жизни Спасителя, который часто ходилъ по ея чудной землѣ, отраднo дѣйствовавшей на Него, часто возмущеннаго людскою злобой и неправдой. Укрываясь отъ воровъ челоуѣческихъ, Онъ часто удалялся на одинъ изъ возвышенныхъ холмовъ, окружающихъ эту равнину, и въ уединенной молитвѣ изливалъ передъ Отцомъ Своимъ чувства Свои.

Смотря въ глубь этой долины, мы замѣчаемъ на вершинѣ одной изъ горъ маленькій городокъ Сафеть, пріютившійся подобно орлиному гнѣзду на высокому холмѣ. Не на этотъ ли городъ показывалъ Христосъ, когда говорилъ, что „не можетъ укрыться градъ, стоящій вверху горы?“ На сѣверо-востокъ отъ него видны какія то развалины. Это—древняя Виесаида, мѣсто родины Ап. Петра и Андрея, гдѣ Христосъ нѣкогда отверзъ очи слѣпому, отправившись отсюда затѣмъ въ Кесарію Филиппову. Въ Виесаидѣ показываютъ остатки храма, построеннаго св. Еленою на мѣстѣ бывшаго дома апостола Петра. Далѣе, на сѣверъ отъ Виесаиды мы видимъ на самомъ берегу маленькую деревушку „Айнуть-Тапега,“ гдѣ, по преданію, во времена Спасителя стояла мытница, при которой мытарь Левіи занимался сборами пошлинъ. Здѣсь онъ впервые увидѣлъ Христа и услышалъ обращенный къ нему призывъ „слѣдуй за Мною!“ Еще немного сѣвернѣе намъ указали на громадныя развалины, называемыя у Арабовъ „Тель-Гумъ“. Это жалкія остатки когда-то знаменитаго города Капернаума „до небесъ вознесшагося“, а теперь „до ада низведшагося“, по предсказанію Спасителя, часто посѣщавшаго этотъ городъ. Къ сѣверо-западу отъ

Тель-Гума намъ указали развалины Керазе, мѣсто прежняго Хоразина, которому Господь также предрекъ погибель. Грустью вѣяло отъ всѣхъ этихъ историческихъ развалинъ. на мѣстѣ славныхъ населенныхъ городовъ, проклятыхъ Господомъ за невѣріе въ Него. На восточной сторонѣ отъ озера—Гадаринская страна. Дикія и обнаженныя скалы возвышаются надъ самою водою; мрачный, мертвенный видъ этихъ горъ омрачаетъ сердце грустью, которая еще болѣе усиливается при взглядѣ на гробовую тишину озера. Ни одна лодка не скользитъ и не оживляетъ этой мертвой водяной пустыни, ни одного рыбака не видно теперь на озерѣ; а между тѣмъ въ прежнія времена, какъ извѣстно, по этой водѣ ходили цѣлыя флоты парусныхъ судовъ, многіе занимались постоянною береговою торговлею, цѣлая масса народу была извѣстна рыбнымъ промысломъ, который былъ одною изъ доходнѣйшихъ статей береговыхъ жителей. Во время возмущенія евреевъ противъ Веспасіана на этомъ озерѣ происходили кровопролитныя битвы. Теперь же рыбный промыселъ въ упадкѣ. Съ измѣненіемъ роскошной природы Генисаретскихъ береговъ въ дикую пустыню, съ уничтоженіемъ веселыхъ городковъ и селеній, прекратилась и жизнь на самомъ озерѣ: шумное оживленіе, царившее здѣсь, уступило мѣсто мертвой тишинѣ, гнетущимъ образомъ дѣйствовавшей на нашу душу, навѣвая на насъ грустныя мысли.

Дѣлалось страшно жарко. Прозрачныя волны озера давно уже манили насъ въ свои объятія. Мы быстро раздѣлись и бросились въ воду, которая освѣжающе подѣйствовала на насъ. Намъ посоветовали надѣть фуражки во избѣжаніе солнечнаго удара. Наслаждаясь купаньемъ въ этомъ священномъ озерѣ, мы позабыли про обѣдъ, который давно уже былъ приготовленъ для насъ о. Аврааміемъ, приславшимъ теперь на берегъ послушниковъ напомнить намъ объ этомъ. Освѣженные купаньемъ, счастливые и довольные, полные священныхъ воспоминаній о прошлыхъ блаженныхъ дняхъ. происходившихъ на этомъ озерѣ, мы возвратились прежнею дорогою въ монастырскій домъ и почти сейчасъ же сѣли за накрытый на балконѣ обѣденный столъ. Довольно продолжительное путешествіе и купанье сильно возбудили нашъ аппетитъ и мы съ удовольствіемъ принялись за поданную намъ трапезу греко-арабской кухни. Растительныя и рыбныя

Тиверіада.

блюда были самыя разнообразныя. О. Авраамій, съ любовію угощавшій насъ, обратилъ наше вниманіе на „Христову рыбку“, весьма пріятную на вкусъ. Вообще этотъ обѣдъ, въ виду Генисаретскаго озера и другихъ священныхъ мѣстъ, не забудется нами никогда...

Послѣ обѣда нѣкоторые изъ насъ, утомленные и разслабленные отъ жары, рѣшили отдохнуть въ отведенныхъ комнатахъ, не смотря на грязную обстановку ихъ и обиліе щельной и постельной фауны; а другіе рѣшили посвятить послѣобѣденное время до отъѣзда прогулкѣ по святому озеру. Съ помощію греческихъ монаховъ наняли мы лодку, чтобы ѣхать къ теплымъ источникамъ, находящимся на югъ отъ Тиверіады. Гребцами были два мускулистыхъ араба, которые быстро отчалили лодку отъ берега. Мы плыли по тихимъ, зеркальнымъ водамъ озера, мимо каменистаго берега, съ развалинами на немъ стѣнъ и башенъ. Это—продолженіе Тиверіады, построенной Иродомъ Антипою въ честь императора Тиверія, современника Христу. Она стала столицею Галилеи вмѣсто Сепфора и блистала въ то время дворцами, фонтанами, ипподромами и всею обычною роскошью языческаго Рима. Христосъ не любилъ этого города, и Евангеліе почти не упоминаетъ его. Мы проѣхали три версты и остановились у берега, на которомъ находится каменное зданіе съ круглымъ куполомъ, почернѣвшимъ отъ времени. Это и есть бани съ горячими источниками „Гаманъ“, построенныя пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ Ибрагимомъ пашей на мѣстѣ древняго строенія, которое совершенно развалилось. Въ этомъ мѣстѣ есть много горячихъ ручьевъ, вытекающихъ изъ базальтовой скалы за сто шаговъ отъ озера. Запахъ сѣры давалъ себя чувствовать. Какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ остановилась наша ладья, одинъ изъ горячихъ ручейковъ изливался въ озеро. Желая измѣрить въ немъ температуру воды, мы опустили въ него свои руки и вскрикнули отъ обжога; это былъ настоящій кипятокъ, градусовъ 50—60 по Р. Положивши въ эту горячую воду привезенное нами для этой цѣли сырое куриное яйцо, мы черезъ четверть часа вынули его совершенно сварившимся. Мы вошли во внутренность круглой купальни, которая состоитъ изъ маленькихъ боковыхъ комнатъ съ ванными и большой залы съ мраморнымъ резервуаромъ посрединѣ, куда вода попадаетъ изъ четырехъ источ-

никовъ. Ванны и этотъ большой бассейнъ, вода изъ котораго переливается черезъ край, не отличаются особой чистотой. Содержатель купальни, турокъ, предложилъ намъ выкупаться въ этихъ ваннахъ, увѣряя, что вода источниковъ отличается цѣлебнымъ свойствомъ, помогая при ревматизмъ, золотухъ и другихъ наложныхъ болѣзняхъ. Все это можетъ быть, такъ какъ по анализу въ составъ воды входитъ сѣра и желѣзо, углекислыя соли; но едва ли пріятно пользоваться водой, которая рѣдко мѣняется и въ которой, можетъ быть, купались передъ нами люди, страдавшіе разными болѣзнями. Только двое изъ насъ побѣдили въ себѣ чувство брезгливости и погрузили свои тѣла въ мутную воду резервуара, удивляя насъ своею храбростью. Хотя, по ихъ словамъ, они чувствовали себя прекрасно въ этой цѣлебной водѣ и приглашали насъ послѣдовать ихъ примѣру, но мы отказались отъ антигигіеничной ванны, поспѣшивъ выйти на свѣжій воздухъ и предпочитая лучше вторично выкупаться въ прозрачныхъ волнахъ священнаго озера. Вскорѣ наши товарищи были готовы, мы сѣли въ лодку, и черезъ полчаса были уже близъ греческаго подворья. Расплатившись съ лодочниками, мы, не теряя времени, быстро раздѣлись и освѣжили себя купаньемъ, если и не въ цѣлебной, то, во всякомъ случаѣ, въ чистой и прохладной водѣ Тиверіадскаго озера.

Было уже два часа дня, когда мы возвратились въ домъ греческаго монастыря, гдѣ на балконѣ Преосвященный и остальные путники пили чай, а стоящій у дверей Марко торопилъ къ отъѣзду въ Назаретъ, совѣтуя выѣхать какъ можно раньше, въ виду неудобствъ путешествія во время темной ночи. Чай былъ оконченъ; къ отъѣзду все было готово, экипажи уже давно стояли на условленныхъ мѣстахъ. Мы стали прощаться съ достоуважаемымъ игуменомъ Аврааміемъ и съ остальной братіей, которые, при звонѣ единственнаго церковнаго колокола, пошли провожать насъ до самыхъ экипажей. Опять грязный дворъ, опять обильный навозомъ коровникъ, и покрытый мелкими острыми камнями берегъ.

Мы бросили грустный прощальный взглядъ на чудное, священное, евангельское море. „Оно,—воспользуемся живописаніемъ Е. Маркова, — стелется передъ нами во всемъ своемъ великолѣпіи, видное изъ одного края въ другой. Его

прозрачное голубое зеркало покоится какъ въ драгоценной оправѣ, въ своихъ облитыхъ солнцемъ... холмахъ...; а за неясно синими скалами его дальнихъ береговъ поднимается еще воздушнѣе и нѣжнѣе, чѣмъ мы видѣли его съ высотъ Фавора, сотканный изъ сверканья снѣговъ и изъ тумановъ дали исполинскій шатеръ большого Эрмона, вѣчно покрытаго льдами кормильца Іордана... Ни одинъ бѣлый парусъ не нарушаетъ соннаго однообразія и сонной неподвижности евангельскаго моря, и вся страна кажется мирно дремлющей подъ этою дремотой, скованной гладью водъ.“¹⁾ Повернувъ въ переулочекъ, гдѣ насъ дожидались экипажи, мы разсѣлись по прежнему и поѣхали въ такомъ же порядкѣ, какъ и утромъ. Зловоніе и нечистота, неприятная пыль, поднимавшаяся отъ экипажей, гортанный гомонъ любопытной толпы, сопровождали насъ до самаго конца города.

Было 4 часа дня. Жара нѣсколько спала, небольшой вѣтерокъ освѣжалъ раскаленный отъ солнца воздухъ, ѣхать было неутомительно. Путь нашъ лежалъ на юго-западъ по выжженной пустынѣ, на которой рѣдко-рѣдко попадались развалины и жалкія группы бѣдныхъ лачужекъ. Чтобы скрасить однообразное впечатлѣніе пустыни, мы часто оглядывались назадъ, и взглядъ нашъ упалъ на оставленное нами озеро Генисаретское, а тамъ дальше поднималась гора Блаженствъ съ ея живописными рогами. Наконецъ, и озеро скрылось за невысокими холмами, и мы остались затерянными въ этой мертвой пустынѣ. Время тянулось медленно. Напрасно мы развлекали себя разговорами, напрасно предавались священнымъ воспоминаніямъ,—грустный видъ пустыни наводилъ на насъ тоску и уныніе. Такъ ѣхали мы часа два. Но вотъ, стали попадаться селенія, сперва арабская деревушка Даміе, затѣмъ Кафръ-Сабтъ, потомъ опять пустыня, которой не предвидѣлось конца. О. В—ій затянулъ какой-то псаломъ, Ш—нъ же подхватилъ его, къ нимъ присоединился еще третій спутникъ. Долго тянулось бы это заунывное тріо, съ естественными трелями отъ сотрясенія, если бы четвертый спутникъ не попросилъ прекратить этотъ своеобразный концертъ, усиливавшій и безъ того овладѣвшую нами тоску. Не оживляли до-

¹⁾ Путешествіе по Св. Землѣ, стр. 379.

рогу ни попадавшіеся намъ по пути маленькіе ручейки, ни громадныя пещеры, которыя служили нѣкогда мѣстомъ укрывательства разбойниковъ, а впоследствии были обиталищами святыхъ отшельниковъ.

Солнце начало садиться. Сумерки наступили весьма быстро. Седьмой часъ въ началѣ, а уже на небѣ загорѣлись вечернія звѣздочки. Не прошло и получаса, какъ мы были окутаны непроницаемою ночью мглою, въ которой на два шага трудно разглядѣть человѣка. Передніе экипажи далеко опередили задніе. Стало какъ-то жутко. Но вотъ, гдѣ то впереди послышался лай собакъ, а вскорѣ заблестѣли огоньки въ домахъ какого-то селенія. Оказалось, что это *Кафръ-Кенъ*, евангельская Кана Галилейская, прославленная первымъ чудомъ Господа, претворившаго здѣсь на брачномъ пиру воду въ вино. Мы въѣхали въ это селеніе и увидѣли толпу народа, собравшуюся на неосвѣщенныхъ улицахъ, чтобы посмотрѣть на русскаго архіерея, о пріѣздѣ котораго здѣсь были уже освѣдомлены митр. Фотіемъ, приславшимъ сюда, между прочимъ, монаха для приглашенія нашего Преосвященнаго служить завтра обѣдню въ Назаретской церкви. Наши экипажи остановились въ узенькомъ переулочкѣ; мы сошли на землю и, окруженные толпою любопытныхъ арабовъ, пошли по направленію къ церкви, откуда неся колокольный звонъ въ честь прибытія Преосвященнаго.

Послѣ обычной встрѣчи, священно-служителями—мѣстными и присланными изъ Назарета—отслуженъ былъ молебенъ, на которомъ Преосвященнымъ было прочитано по славянски Евангеліе о чудѣ въ Канѣ Галилейской. Не смотря на простоту обстановки этого богослуженія, оно произвело на насъ сильное впечатлѣніе. Этому способствовали и обстоятельства нашего путешествія, и поздній часъ, и мысль о значеніи этого мѣста. По окончаніи богослуженія, за которымъ присутствовало весьма много народу, христіанъ-арабовъ, мы осматривали храмъ, въ иконостасѣ котораго любовались прекрасными иконами, какъ оказалось, написанными въ Москвѣ. Затѣмъ намъ показали за клиросами два громадныя каменные сосуда, въ которыхъ яко-бы чудесно была претворена Спасителемъ вода въ вино. Но, кажется, весьма достаточно было бы сказать, что они только сооружены по подобію тѣхъ сосудовъ. Для вѣрующаго сердца и

этого было бы вполне достаточно. Нынѣ, одинъ изъ этихъ сосудовъ служить купелью при таинствѣ крещенія, а другой—для освященія воды. Вообще храмъ—небольшой; но какъ снаружи, такъ и изнутри выгладитъ довольно красиво и благообразно. Онъ сооруженъ на Русскія пожертвованія, и во главѣ щедрыхъ жертвователей стоитъ, какъ говорятъ, Августѣйшій Предсѣдатель Палестинскаго Общества, Великій Князь Сергій Александровичъ.

Благословивъ народъ и оставивъ причту лепту на нужды храма, Преосвященный, по просьбѣ о. настоятеля, арабскаго священника, посѣтилъ вмѣстѣ съ нами его домъ, не смотря на то, что было время позднее. Насъ ввели въ большую комнату съ бѣлыми каменными стѣнами, лишенную всякой мебели. На полу были разостланы цыновки, а вокругъ стѣнъ подушки, на которыя насъ пригласили возлечь. Обстановка для насъ была совершенно необычайная, въ настоящемъ восточномъ вкусѣ. Насъ оставили однихъ, предоставивъ самимъ себѣ. Видно, что приготовлялось для насъ какое-то угощеніе, въ ожиданіи котораго Преосвященный совѣтовался съ нами относительно завтрашняго богослуженія въ Назаретѣ. Затрудненіе состояло въ томъ, что путниковъ, умѣющихъ нѣтъ, осталось очень мало. Мысленно мы кое-какъ собрали недурной хоръ, заключивъ, что съ Божіей помощью завтрашняя служба пройдетъ прекрасно. Наконецъ, черезъ полчаса намъ подали въ маленькихъ чашечкахъ черный кофе, совершенно безъ всякаго признака сахара, съ какими-то пахучими и жесткими кореньями, но до того горькій и непріятный на вкусъ, что мы съ большимъ самоотверженіемъ могли выпить по половинѣ чашки. Оказалось, что такое кофе—специально арабскаго приготовления и подается почетнымъ гостямъ какъ лакомство. Но о вкусахъ не спорять...

Поблагодаривъ хозяевъ за ихъ радушіе, мы отправились въ сопровожденіи толпы народа къ своимъ экипажамъ. Было уже 8 ч. вечера. Темнота какъ будто еще болѣе сгустилась. Не было видно ни зги. Мы отправились изъ Каны въ Назаретъ, хотя не безъ нѣкотораго приключенія, которое могло окончиться печально для сѣдоковъ одного экипажа, такъ какъ одна изъ лошадей его попала ногою въ спицы колесъ передняго экипажа. А это

произошло отъ того, что дорога шла подъ гору, и кучеръ передней повозки, не отъѣхавъ подальше отъ задняго экипажа, началъ быстро тормозить колеса своей повозки, не видя за темнотою, что на его экипажъ наѣзжаютъ лошади задняго. Марко былъ правъ, когда говорилъ, что по этимъ дорогамъ опасно путешествовать во время темныхъ вечеровъ. Быстро отпрягну лошадей, освободили завязшую ногу въ спицахъ колеса, и увидѣвъ, что никакого несчастія не случилось, съ облегченнымъ сердцемъ поѣхали дальше. Недалеко отъ Каны намъ указали источникъ, изъ котораго, по преданію, почерпали воду, претворенную Спасителемъ въ вино. Но ночная мгла не дала намъ разсмотрѣть его. Жаль, что эти мѣста мы проѣзжаемъ ночью, не видя хорошо мѣстностей. Дорога, по которой мы сейчасъ ѣдемъ, была проведена римлянами, оставившими ее въ цвѣтущемъ состояніи,— правда, она и сейчасъ недурна. Мы то поднимались вверхъ, то спускались внизъ. Вотъ проѣзжаемъ мы по довольно высокому холму. Здѣсь во времена Спасителя стояла смоковница, подъ которою Богочеловѣкъ видѣлъ Наанаила. По преданію восточныхъ христіанъ, этотъ Апостоль, будучи младенцемъ, былъ брошенъ своею матерью подъ густыя вѣтви смоковницы, чтобы избѣжать меча Ирода; Всевѣдущій Христосъ, будучи самъ въ то время младенцемъ, и увидѣлъ его здѣсь въ первый разъ, о чемъ и сказалъ Наанаилу во время его призванія.

Далѣе, направо отъ дороги мы замѣтили огоньки какого-то селенія. Это—Сепфуріе, древній Сепфорисъ, столица Галилеи во дни Іосифа Флавія. По преданіямъ, Богоматерь въ этомъ городѣ провела свое дѣтство до Введенія Ея во храмъ. Согласно этому преданію, въ Сепфуріе указываютъ развалины древней церкви, построенной, будто бы, крестоносцами на мѣстѣ дома родителей Дѣвы Маріи. Досадно, что намъ не пришлось осмотрѣть эту деревню—остатки величественнаго города, считавшагося столицею Галилеи до построенія Иродомъ Антипою великолѣпной Тиверіады.

Съ холмистаго бугра мы опять стали спускаться подъ гору и скоро увидѣли предъ собою маленькое селеніе Рени, въ которомъ считается до 500 человекъ православныхъ арабовъ. Мы проѣхали мимо маленькой церкви, возобновленной, какъ говорятъ, послѣ землетрясенія, но многіе изъ

насъ, благодаря ночной мглѣ, почти не замѣтили ея. Дорога пошла немного въ гору. Мы поднялись на небольшую возвышенность и прямо передъ собою увидѣли, какъ бы иллюминированный многочисленными огнями, полюбоившійся намъ Назаретъ. Радостно забились наши сердца: мы ѣхали какъ бы домой подъ гостепріимный кровъ русской школы, гдѣ намъ предвидѣлся хорошій отдыхъ. Мы стали спускаться въ Назаретскую котловину, и чудное зрѣлище иллюминированнаго города на время исчезло, чтобы черезъ нѣсколько минутъ явиться передъ нами во всей своей прелести. Дѣйствительно, менѣе чѣмъ черезъ четверть часа, мы уже ѣхали по освященнымъ улицамъ Назарета, поровнялись съ источникомъ Пресвятой Дѣвы, повернули направо за уголъ и остановились у дома русской школы. Было ровно 10 ч. веч. Мы порядкомъ устали, совершивши такую длинную дневную экскурсію. Нечего и говорить, что учительницы насъ встрѣтили весьма радушно, ожидая съ ужиномъ.

Утомленные длинной дорогой и желая быть завтра бодрыми у обѣдни, которая назначена была въ 8 ч. утра, мы, часовъ въ 12 ночи, отправились на отдыхъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).
